

МИТИН ЖУРНАЛ
KOLONNA PUBLICATIONS

ББК 84.4 США
ISBN 5-98144-095-3

СЕРИЯ
Crème de la Crème
ЯВЛЯЕТСЯ
СОВМЕСТНЫМ ПРОЕКТОМ ИЗДАТЕЛЬСТВ
Kolonna Publications и Митин Журнал

Gertrude Stein

Blood on The Dining Room Floor

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Павла Челищева "Феномены": портрет Гертруды Стайн
и Элис Б. Токлас*

© John Herbert Gill, 1982
©Вадим Михайлин, 2007
©Митин Журнал, 2007
©Колонна Publications, 2007

Редактор: Дмитрий Волчек
Обложка: Виктория Горбунова (www.viktoria.ru)
Верстка: Алла Ефремова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

Гертруда Стайн

КРОВЬ НА ПОЛУ В СТОЛОВОЙ

Перевод Вадима Михайлина

Митин Журнал
Kolonna Publications

ПРЕДИСЛОВИЕ

За свою долгую жизнь Гертруда Стайн успела проделать путь от безвестности до своеобразной, с оттенком скандальности, славы. Ее превозносили до небес, и над ней же насмехались. Она обзавелась множеством друзей среди творческой аристократии первой половины века и большинство из них растеряла по дороге. Все это время она писала, и известности ей всегда хотелось именно писательской. Вообще-то говоря, она постепенно приучила себя к мысли о том, что в англоязычной литературе XX века она – «единственная».

И только однажды она перестала писать. В 1933-м, в возрасте шестидесяти лет, после выхода в свет «Автобиографии Элис Б. Токлас» она пережила первый настоящий успех. После чего все начало валиться у нее из рук, и оказалось, что она больше не в состоянии написать ни слова.

В истории лета 1933 года – о том, как Гертруда Стайн сбилась с дороги, а потом снова ее нашла – как в капле воды отразилась история всей ее жизни. До конца своих дней она будет потом возвращаться к одной и той же задаче: к попытке написать об этих нескольких месяцах. Но именно самая

первая, и самая удачная из попыток позволила ей преодолеть писательский кризис и вступить в самый плодотворный период своего творчества.

Ее единственный детективный роман, «Кровь на полу в столовой», как раз и является собой хронику тех дней.

«В то лето происходили чудные вещи. Они происходили и не имели никакого отношения ко мне или к письму. Мне так часто хотелось сделать про них историю детективную историю про все что случилось тем летом и вот я опять пытаюсь это сделать».

Биться над этим она начала сразу, как только кончилось лето, в загородном доме в Билиньене, где как раз и происходили все события. Стронуться с мертвой точки ей помог трехдневный визит писателя Уильяма Сибрука, человека весьма нервического, который разделял многие из свойственных Гертруде Стайн навязчивых идей: «Опять оно случилось, по-другому но опять оно случилось».

По прошествии шести кошмарных месяцев, когда она не слышала внутри себя ни единого слова, которое следовало бы доверить бумаге, она снова начала писать. Она вернулась к привычному распорядку, как в старые добрые времена на рю де Флерюс, когда после каждого одинокого бдения на

свет появлялось то, что они с Элис Токлас называли «еженощным чудом».

Письмо никогда не было делом ее рук. Это происходило само собой, это было похоже на видения, которые являются испанской святой. Подобное случается с человеком, если он одарен святостью или гениальностью: последние два понятия в личном словаре Стайн были синонимичны и относились к тем редким личностям, которые большую часть времени просиживали в полном ничегонеделании, «ожидая, пока оно случится».

Именно так и обозначался ночной опыт письма: «Оно случилось». А затем, до того, как поднявшееся над горизонтом солнце сможет разрушить чудесный миг, Гертруда Стайн отправлялась в постель и спала до полудня, а то и дольше. А ночной шедевр оставался ждать Элис, которая перепечатает его на машинке: словно жрец, передающий миру темные речения Сивиллы.

Как и многие другие творения Гертруды Стайн, получившийся в итоге детективный роман представляет собой нечто вроде внутреннего монолога: и прошлое, и настоящее, и все, что происходит в голове у автора, слито воедино с тем пространством и тем пейзажем, в которые автор вписан в момент письма. Текст оживает, если мы

читаем его медленно читаем его вслух и пытаемся услышать за каждым произнесенным словом тот звучный колоритный голос, который, к счастью, удалось записать во время ее американского тура в 1934 году.

То «продленное настоящее», в котором живет письмо Гертруды Стайн, стирает всякие границы между самим процессом письма и автором в тот момент, когда он наносит слова на бумагу. О какой бы то ни было выверке написанного или о редактуре не может быть и речи; видение остается таким, каким было явлено автору, со всеми повторами, фальстартами, противоречиями и так далее. Ибо вне зависимости от того, что она пишет в данный момент – оперу, пьесу, детектив или букварь, получается одна и та же вещь, вещь, которую она сама называла «Автобиографией» в полном смысле тех трех корней, составляющих это слово: «сам», «жизнь» и «письмо».

«Ты не видишь преступления. Только не я. Потому что по большому счету живя и умирая, они приходят к выводу, что жизнь вообще такая, и ничего такого, потому что если даже все на свете, то и в этом ничего такого, даже если отрицая. Пожалуйста, попробуй, а».

Именно в романе «Кровь на полу в столовой» Гертруда Стайн впервые начинает использовать слово «каждый», чтобы обозначить себя как повествователя. Она всю жизнь неустанно экспериментировала с парадоксом идентичности, который заключается в том, что всякий человек остается самим собой и при этом от самого себя отличается. Гертруда Стайн внимательно проштудировала еврейский Ветхий Завет и к удивлению своему не обнаружила там ни единого слова о бессмертии человеческой души. При этом о целых нациях, племенах и народах там говорилось так, как если бы они представляли собой цельные и самостоятельные личности. И она решила сделать следующий шаг: рассказать историю всего человечества как историю одного-единственного человека – свою собственную.

Ей уже доводилось писать о себе в третьем лице, в «Автобиографии Элис Б. Токлас», где анонимность автора была принципиальной и радикальной и не раскрывалась вплоть до последнего предложения книги. Вскоре она вышла на следующий, еще более откровенный и провокативный уровень, написав своего рода продолжение первой книги и назвав его «Автобиография Каждого». Со временем этот поиск асексуального

эквивалента «Человеку»¹ достигнет абсурдного предела в романе «Ида»: «Каждый знал Иду, а под словом каждый каждый понимает каждый».

Как бы то ни было, именно в «Крови на полу в столовой» она впервые начинает использовать слово «каждый» применительно к себе самой. Те трудности, которые доставляет читателю «Кровь на полу в столовой» происходят не от небрежности, судя по всему, обычной для многих вышедших из-под пера Гертруды Стайн текстов, но от полной, почти одержимой сконцентрированности на самой задаче письма:

«Я могу себе представить как я попытаюсь. Ты скажешь мне опять оно не случилось и я отвечу да конечно оно не случилось и ты будешь видеть сны и я буду видеть сны и ждать весны. Не случилось. Она уснула и оно не случилось. Он будет такой несчастный и оно не случилось. Они будут псы псы

¹ В оригинале – слово *Everyman*, которое в английской литературной традиции выводит на богатый аллюзивный ряд. Именно так называлась самая известная из всех англоязычных средневековых пьес-«моралитэ», протагонист которой проходил путь от самодовольства и самоуспокоенности, через страх и отчаяние перед лицом смерти к христианскому смирению, которое открывало ему дорогу к искуплению. Из всех возможных спутников на жизненном пути, с Эврименом, «Всеяким» постепенно остается единственный верный попутчик – «Добрые Дела». Вторая корневая основа ключевого слова, *-man*, естественным образом не устраивала Гертруды Стайн, которая предпочла ему гораздо более бытовое *Everybody*, заменив таким образом – в буквальном переводе – «Любого мужа» на «Любое тело». (*Прим. перев.*)

и оно не случилось. Заткни еще сорок и оно не случилось. Подготовь закаты и оно не случилось. В конце концов разругай все хлопоты, а толку, оно не случилось. Вот тут-то наконец и успокоюсь, утолмачусь и угомонюсь, я меняю оно не случилось на оно не случилось и на душе становится спокойно. Вот так».

И ты едва ли не физически слышишь звук захлопнутой в сердцах записной книжки: от обиды на этот очевидный парадокс. «Оно не случилось», письмо не вернулось – заявление, которое опровергает само себя в процессе записывания. И на душе у автора становится спокойно.

В журнальной статье под названием «Почему я люблю детективы» Гертруда Стайн излагает теорию о том, что, избавившись от героя – то есть от жертвы – в самом начале, детективный роман отражает манеру чувствовать, специфически присущую двадцатому веку: в отличие от романтического романа, который движется к героической смерти в финале. В этой же статье она рассказывает и о тех проблемах, с которыми столкнулась при написании «Крови на полу в столовой».

«Я попыталась сама написать детектив ну не то чтобы прямо так взять и написать потому что попытка есть пытка но попыталась написать. Название было хорошее он

назывался кровь на полу в столовой и как раз об этом там и шла речь но только трупа там не было и расследование велось в широком смысле слова, и все мне было ясно вот только все выходило как-то неестественно и проблема была в том что если это все произошло а это все действительно произошло то тебе приходится смешивать происшедшее с разными другими вещами которые тоже произошли, а ведь роман даже если это роман детективный не должен смешивать то что произошло со всем тем что произошло впоследствии, и в конце-то концов все что действительно произошло само по себе достаточно интересно безо всякого там письма, рассказывай об этом сколько душе угодно только романов никаких не пиши. Но я все-таки взяла и написала, и вышел замечательный такой детектив вот только никто там ничего не расследовал а были одни только разговоры так что по большому счету получился никакой не детектив и я наконец решила что даже несмотря на то что Эдгар Уоллес пишет почти что детективы в которых никто ничего не расследует в общем и в целом у детектива должен быть конец а у моего детектива никакого конца не было».

Почему ее детективный роман остался без развязки? Почему в нем отсутствовало расследование, хотя и улики, и случайных

совпадений было хоть отбавляй? Да просто потому, что это – история о преступлениях без наказания. Она не должна «успокаивать» читателя, на что, по мнению Гертруды Стайн, нацелена большая часть детективов. Здесь речь шла о настоящих преступлениях, о преступлениях, которые запомнились именно потому, что так и не были раскрыты. Если преступление раскрыто – нас это успокаивает, но интереса в нас оно не вызывает, и мы его не запоминаем. И вот на страницах ее собственного детективного романа этакой зловещей литанией звучит одно и то же заклинание, вызывается один и тот же дух-покровитель нераскрытых преступлений: «Лиззи ты понимаешь Лиззи ты не возражаешь».

Гертруду Стайн прежде всего интересовали преступления, похожие на убийство родителей Лиззи Борден. Возвращение в Америку в 1934 году подвигло ее на серию размышлений о криминале как о неотъемлемой части американской идентичности.

«Людям запоминаются такие преступления когда никто так и не понял кто это сделал и где теперь живет тот человек который был во всем этом замешан. Помню как я удивилась когда узнала что даже нынешнее поколение знает кто такая Лиззи Борден и что она осталась жить как ни в чем не бывало».

Убийства в Фолл-Ривер произошли в 1892 году, когда Гертруда и ее брат Лео жили в Балтиморе. Их отец, Дэниел Стайн, умер за год до этого, и оба они, вне всяких сомнений, восприняли сам факт его смерти как начало новой жизни, исполненной свободы и творчества. Уже в самом первом тексте, вышедшем из-под ее пера в те годы, когда она была студенткой Рэдклифф-колледжа, отчетливо звучит тема, которая впоследствии станет для нее чем-то вроде навязчивой идеи, породив череду однотипных персонажей: деспотичных отцов и дочерей, чья месть выливается в отцеубийство. В статье под названием «Американские преступления и что в них такого особенного» она пишет о преступлениях, которые не влекут за собой расследования и не приводят историю к однозначному завершению:

«Есть два типа преступлений которые будоражат воображение это героическое преступление и преступление таинственное, обо всех остальных преступлениях каждый забывает как только выяснит кто их совершил».

Еще она пишет о знаменитом в двадцатые годы и также оставшемся нераскрытым деле Холл-Миллз, и о том, как кто-то заметил, что миссис Миллз, ничего не сказав следствию, «выказала ту цельность

натуры, которая свойственна американской женщине». Развивая эту мысль, Гертруда Стайн, судя по всему, путает эти два дела:

«Вот и с Лиззи Борден все то же самое, она ничего не утаила но ничего никому и не сказала в чем и состоит цельность натуры и очень это по-американски. И вообще все дело было чисто американское, и сад был американский, семьи вокруг жили американские, и тот человек у которого была свиноферма и который все порывался что-то сказать но так ничего и не сказал тоже очень по-американски, эти тогдашние уголовные дела которые звучали как поэма, и в то же самое время были исполнены зловещего смысла и все было настолько просто настолько очевидно настолько ловко и настолько открыто и никто в конечном счете так ничего и не узнал вот такого рода преступления чего-то да стоят как объяснение американского характера, да-да, если вы конечно понимаете что я имею в виду, так точно, если вы конечно понимаете что я имею в виду».

Эти последние фразы перекликаются с пассажем из «Автобиографии Каждого», который, в свою очередь, связывает звучащие в детективе рефреном обращения к «Лиззи» с исторической Лиззи Борден:

«То-то мне и нравится в Америке что все

так интересно даже если как говаривал один знакомый Элис Токлас в этой ступе и толочь-то нечего Лиззи понимаешь Лиззи что я имею в виду».

Дело Борденов запомнилось потому, что так и осталось нераскрытым, что в глазах Гертруды Стайн автоматически делало Лиззи Борден героем детектива.

«А быть убийцей то есть прирожденным убийцей а не какой-нибудь там дрянью и не ради чего-то другого а просто для того чтобы быть именно таким это очень по-американски и это не значит что ты при этом не должен быть славным парнем или хорошим сыном».

Для того чтобы уследить за сюжетом «Крови на полу в столовой», необходимо держать в поле зрения другие тексты, в которых эта история рассказана в больших подробностях, хотя сколько-нибудь полная и последовательная реконструкция в данном случае все равно представляется невозможной. Сама эта повесть откровенно не проста для чтения, повествование ведется как будто во сне, персонажи перетекают друг в друга, то, что утверждается в одной главе, может отрицаться в следующей, сосредоточенность писательницы на собственном труде в конечном счете берет верх над историей, которую она пытается

рассказать, и повествовательная нить практически совсем пропадает из виду.

Появляется некая «Мейбл», и мы, сами того не понимая, снова оказываемся в мире «Становления американцев». «Показания Мэри М. по этому делу. В этом деле нет никакой Мэри М. Но если бы она была, именно так бы она все и сказала». Вот таким эксцентрическим образом в тексте появляются аллюзии на историю двух оклендских портних, выведенных в «Становлении американцев» под именами Мейбл Линкер и Мэри Максвортинг, то есть на один из самых интересных сюжетов книги.

Весну 1933 года Гертруда Стайн и Элис Токлас провели в загородном доме в Билиньене; как раз тогда им начали приходить первые переводы за журнальную публикацию «Автобиографии Элис Б. Токлас», которая по частям выходила в «Атлантик Мансли», предваряя первое книжное издание. Они тут же провели в дом электричество и установили телефон. Накупили всяческой кухонной техники и даже поменяли машину – на большую по размерам. Но тут же начались и неприятности. Никак не удавалось подобрать подходящую прислугу. После множества скоротечных опытов в этой области, они остановились на человеке по имени Жан, у которого жена была полька.

В «Автобиографии Каждого», где описаны сопутствующие события, название детектива многозначительно вспыхивает в плетении стайновского текста:

«Несколько недель подряд вообще ничего не происходило а потом Дженет Скаддер [скульптор] сообщила нам что хочет приехать с другом и погостить несколько дней. У Дженет всегда найдется какой-нибудь друг у всякого человека всегда найдется какой-нибудь друг. Раз уж так вышло что земля сплошь заселена людьми и все они делают одно и то же примерно одним и тем же способом то у всякого человека просто не может не найтись друга а как же иначе. Вот значит Дженет с другом и собрались приехать и приехали позже чем их ждали, но все-таки приехали. Вымотались конечно потому что я им говорила что по дороге нужно где-нибудь остановиться и переночевать а они решили доехать за один день. Не то чтобы расстояние очень уж большое но на один день все равно лучше не закладываться. Кровь на полу в столовой и на один день все равно лучше не закладываться».

На следующий день выясняется, что кто-то вывел из строя машину Дженет Скаддер. Гертруда Стайн пытается позвонить в автомастерскую и обнаруживает, что телефон не работает. Когда она пытается завести свой собственный автомобиль, чтобы съездить на

нем за помощью, оказывается, что и эта машина тоже сломана. Всеобщее замешательство.

«Там была эта женщина, полька, и я ей сказала ну и, и она сказала ага и потом сказала что с Жаном с ним вечно вот так когда что-нибудь этакое происходит. Что-что переспросила я. Кровь на полу в столовой сказала она».

В гараж отправляют записку, оттуда приезжает механик, подтверждает, что обе машины и телефон испорчены намеренно и советует им уволить прислугу, что они и делают незамедлительно. В это самое время возникает словно бы из ниоткуда сэр Фрэнсис Роуз – художник весьма сомнительных дарований, которого Гертруда Стайн опекала в последние десятилетия своей жизни – и в руках у него картина, которую, судя по всему, он привез хозяйке дома в знак примирения. С ним тоже приехал друг, Карли Миллз, который со временем станет драматургом и поэтом-песенником и чей мюзикл «Не здесь, так где-нибудь еще» в шестидесятых годах будет ставиться во внебродвейских театрах². Но на сей раз

² Внебродвейская театральная культура возникла в Нью-Йорке после Второй мировой войны – как альтернатива чисто коммерческому и развлекательному Бродвею, что, собственно, следует из самого названия. Делала ставку на элитную и/или радикально настроенную публику. Сейчас существует порядка двух десятков Off-Broadway theaters, большая часть из которых уже давно превратилась во вполне успешные с коммерческой точки зрения предприятия. (*Прим. перев.*)

этот «друг» пришелся совершенно не ко двору, и его даже не пустили в дом.

Этот сюжетный эпизод достаточно забавно обозначен в первой части «Крови на полу в столовой»:

«И тут приехали еще другие гости и среди всей этой кутерьмы в столовой оказался один очень милый молодой человек и очень уж ему хотелось кому-то подарить одну очень милую картину. Как же он тут очутился, впрочем ничего удивительного, каждый был с ним знаком, вот только каждому казалось что каждый с ним поссорился. Ну что ж как бы то ни было каждый поцеловал его и он уехал».

В третьей главе детективной повести происходит весьма примечательный поворот:

«Помнишь некоторое время тому назад слуги посходили с ума и в доме жуть что творилось, и приехал один молодой человек и многим казалось что он очень милый, хотя на самом деле ничего подобного. Он был шотландец и все на свете разболтал. Пожалуйста не забывай как каждого зовут по имени. Вот только имен никто не разбалтывает. Никогда на свете даже если речь идет всего-то лишь о преступлении, то есть я хочу сказать о подоплеке преступления. И ты пойми а лучше и запомни что если подоплека ясна то и преступления никакого нет».

Тем же летом, чуть позже, происходит следующее «преступление». В соседнем Белле обнаружили тело мадам Пернолле, в нелепой позе, на цементном полу внутреннего дворика гостиницы, которая принадлежала ее мужу. Пернолле был хозяином гостиницы в пятом поколении. Жена помогала ему по хозяйству, они из года в год работали как проклятые и никогда никуда не ездили, чтобы не оставлять гостиницу на произвол судьбы. Когда он вернулся с войны, у них пошли дети, всего четверо. Старший сын собирался стать юристом, второй по старшинству должен был унаследовать гостиничный бизнес. А потом, как рассказывает нам Гертруда Стайн, муж мадам Пернолле начал её изменять, прямо здесь же, на месте, в той самой гостинице, где они жили и работали. В общем-то, все шло привычным чередом, вот только вид у мадам Пернолле стал совсем несчастный, и она в буквальном смысле слова места себе не находила. А потом ее не стало.

Что это было: несчастный случай? Самоубийство? Убийство? Гертруду Стайн насторожило одно обстоятельство: некий молодой человек, садовник, которого она в своей повести вывела под именем «Александр», рассказывал всем и каждому, что мадам Пернолле ходила во сне: и все это

выглядело так, словно ему очень нужно было найти для этой трагедии подходящее объяснение. Его словам поверили, и причинной смерти следствие постановило считать несчастный случай: «Интересно, как они все это дело замяли и стали жить дальше».

Однако, в те самые времена, когда господин Пернолле начал изменять жене, в гостинице работала родная сестра Александра, «и за что ни бралась, все у нее получалось». Существовали весьма серьезные подозрения, что брат и сестра договорились убрать хозяйку с дороги, чтобы эта молодая особа смогла занять в процветающем гостиничном предприятии Пернолле более достойное место. Про Александра поговаривали, что он уже успел избавиться от собственного отца, чтобы прибрать к рукам семейный садоводческий бизнес. Отец вроде бы вел дела из рук вон плохо и тем ставил под угрозу будущее своих детей.

Вообще-то изначально Александр собирался стать священником, но потом связался с некой странной старухой, которая принимала в нем более чем странное участие. Она фактически толкнула его в объятия Мейбл, своей же собственной невестки, и она же помогла ему избавиться от отца, чтобы семейный сад начал, наконец, давать прибыль. После того, как он сделал всю

грязную работу, его брат и сестра были бы не против, чтобы он «уехал куда-нибудь и молил себе бога», но он решил остаться в родных местах.

А если к этой мрачной истории разложения провинциальных нравов добавить еще и элемент случайного стечения обстоятельств, то мы увидим, что Александру суждено сыграть свою роль и в следующем преступлении, в убийстве англичанки. Складывалось такое впечатление, что с кем бы ни связался этот самый Александр, беды не избежать. Там была замешана еще одна молодая женщина, сирота по имени Элен. Отца у нее убили на войне:

«Он ушел на войну чтобы его убили на войне потому что жена у него была сумасшедшая. Она вела себя странно, когда ходила в церковь. Она вела себя странно даже тогда, когда не ходила в церковь. Она играла на пианино и при этом набивала между клавишами цемент чтобы звука не было. Вот видишь цемент найти совсем не сложно».

Из всех событий того необычайного лета история мадам Сезар и англичанки, которая время от времени жила у нее в доме, представляется наиболее удачной сюжетной основой для детектива. Эти персонажи и в самом деле появляются в «Крови на полу в столовой», но история остается не

рассказанной, а само преступление не упоминается вовсе. Мы находим его в «Автобиографии Каждого» и, в несколько иной версии, в коротком фрагменте под названием «Водопад и пианино», который заканчивается следующим пассажем:

«Однажды англичанка приехала снова очень веселая и повидалась со всеми своими подругами и у нее были планы насчет девяти щенков и оставшейся части сада. А потом ее нашли собаки. Она положила шляпку с собой рядом и в голове у нее были две пули и она была мертвая. Полиция не должна была переносить ее тело но перенесла, протестантский пастор не должен был ее хоронить но похоронил, потому что никому так и не сказали, что собственно такое с ней случилось. Врачи говорили что человек не может застрелиться дважды. Все врачи так говорили. А один офицер сказал что ничего подобного. На войне когда офицер хотел застрелиться он чаще всего стрелял себе в голову. И очень часто действительно получалось так что он всего лишь вгонял пулю себе под скальп а потом стрелял еще раз следом... И до сих пор все вокруг обо всем этом говорят хотя гораздо меньше чем бывало. Вместо англичанки теперь приезжает одна американка, и она пока живая».

От последней фразы кровь стынет в жилах. Ясно, что дни американки сочтены.

В «Автобиографии Каждого» финал иной. Как только обнаруживают тело, один из местных жителей, озабоченный происходящим, звонит Гертруде Стайн и просит приехать как можно скорее. Когда она прибывает на место происшествия, тело уже успевают унести и складывается такое впечатление, что до выяснения истины вообще никому нет дела. Они вдвоем с Бернаром Фаем, другом, который гостит у нее в это время, идут в дом мадам Сезар и застают там более чем странное собрание:

«Там была американка, которая все на свете знала про Бенджамина Франклина... а снаружи еще двое, человек который устанавливал электрические обогреватели» – как и Гертруда Стайн, мадам Сезар в то лето провела электричество, – «и его жена, а внутри еще женщина, очень толстая и вся в черном, как будто уже наступил вечер. Она была мать того электрика и говорила на нескольких языках, а потом она осталась там и все с ней вместе».

Гертруда Стайн и Элис Токлас находились с мадам Сезар и ее кружком в приятельских отношениях, но после этой загадочной смерти дружбе пришел конец:

«Во всяком случае мадам Сезар мы видели всего однажды, она приехала нас навещать и те кто хотел ее видеть там были а потом прошло совсем немного времени и всем стало как-то боязно ее и насчет нее и потом прошло совсем немного времени и хотя она сама все время была тут как тут никого с ней больше не было то есть миссис Стайнер никогда с ней больше не было а жена электрика та с ней была».

Итог всем этим событиям Гертруда Стайн подводит довольно странный:

«Нас это больше никогда не беспокоило но всякий раз как мне хочется писать мне хочется писать о том что с ней случилось. Во всяком случае нет никакого проку не забывать о том что ты знаешь а мы так и не знаем что с ней случилось».

Люди, которые наезжали в Билинъен в гости к Гертруде Стайн, удивлялись, обнаружив, что жители французских деревень запирают свои дома и даже строят вокруг них стены. Американцы привыкли считать, что преступления совершаются только в городах.

«Принято было говорить, что в деревне ничего не происходит, но в деревенской семье за пять лет происходит куда больше изменений чем в городской семье и это естественно. Если бы в деревне ничего не происходило, то не было бы ни яиц, ни масла.

Изменения в деревне происходят просто обязаны, здесь всегда будут разрушать семьи и убивать собак и совращать сыновей и терять дочерей и убивать матерей и выгонять отцов из дому. Разумеется в деревне иначе никак. Оттого в деревне все и происходит как положено в деревне. В городе ничего не происходит. Все происходит в деревне. Город только рассказывает о том, что происходит в деревне, а в деревне все уже произошло. Лиззи ты понимаешь».

«Кровь на полу в столовой» подходит к концу, но, как утверждала сама Гертруда Стайн, окончания у повести нет. Есть финальная глава, которая начинается словами: «Давным-давно они начали и все началось». Так же, как и последняя строка элиотовской «Вечеринки с коктейлями», окончание этой детективной повести содержит в себе новое начало, так что и говорить больше ничего не требуется.

«Не нужно ничего придумывать. Каждый знает и говорить смысла нет. Потому что каждый и болтает и никто не говорит, потому что каждый видит, каждый говорит, что видит. Не мало помалу, и никаких секретов в том, что каждый знает и все равно переживает».

Засим следует финальная словесная какофония, реприза из слов, имен и фраз,

и назойливо повторяется все тот же вопрос, на сей раз с добавлением нового имени:

«Лиззи ты понимаешь. Конечно понимает. Конечно понимаешь. Могла бы если б захотела но только ты все время хочешь чего-нибудь другого только не это только не это так точно... Ты правда понимаешь, Эдит и Лиззи вы правда понимаете».

Если кому и место в компании Лиззи Борден и повествователя, так разве что давнишней приятельнице, confidentке и сопернице Гертруды Стайн, Эдит Ситуэлл, девичьи годы которой, да по большому счету и всю жизнь, превратил в сплошную пытку, физическую и психологическую, ее же собственный отец, чья жестокость по отношению к дочери была едва ли не патологической.

Детективная повесть подходит к концу, а вместе с ней и лето, полное страха и боли:

«Мы успокоились и я начала работать и понятное дело начала писать лекции, как будто мы уже совсем собрались ехать в Америку... А как только я начала их писать, обо всем остальном я думать тут же перестала. Какой смысл думать обо всем остальном и потом наша жизнь вошла в привычную колею».

«Кровь на полу в столовой» была впервые опубликована через два года после смерти Гертруды Стайн. Текст готовил к печати Йейльский библиотекарь и библиограф

Дональд Голлап. Изысканный томик в отдельной коробочке выпустило ограниченным тиражом издательство «Баньян Пресс». Элис Б. Токлас написала Клод Фредерикс и Милтону Солу (которых называла «Баньяновыми малышами») о том удовольствии, которое эта «идеальная книга» доставила бы автору: «она бы сказала, что текст и способ его подачи равно хороши».

Несколькими годами позже, в одной из глав своей знаменитой кулинарной книги «Убийство на кухне», Элис Токлас вспомнит о том, как они с Гертрудой Стайн впервые заинтересовались детективами как типичным для двадцатого века способом видеть жизнь. Она рассказывает о своих собственных убийствах: первым был карп (кровавое деяние, свершенное при помощи ножа), за ним последовали шесть миленьких голубков, которых она задушила голыми руками, как только Гертруда Стайн вышла за дверь, поскольку подруга ее «не любила смотреть, как делается работа». И подводит испытанию сему итог:

«Опыт был неприятный до крайности, но когда я выложила рядом эти милые юные трупки, пришлось смириться с тем, что и к убийству тоже можно привыкнуть».

Джон Герберт Гилл

КРОВЬ НА ПОЛУ В СТОЛОВОЙ

Повесть была записана в школьных тетрадях, и в двух местах, в левом поле, автор вертикально вписал слово «пианино». Как правило, никаких изменений в написанные ею тексты Гертруда Стайн не вносила, и, поскольку «пианино» фигурирует также и в основном корпусе повести, издатель полагает, что автор хотел включить эти слова в текст: они заключены в скобки и вставлены в наиболее подходящих местах в пятой и шестой главах.

Глава ПЕРВАЯ

У них был загородный дом. Дом за городом это не то же самое что загородный дом. Это был загородный дом. Потом они решили нанять двоих, мужчину и женщину, то есть мужа и жену.

Первые муж и жена были итальянцы. Походка у них была странная, походка у нее была странная, и еще она делала лапшу со шпинатом и лапша получалась зеленая. Он на ходу сутулился и вместо того, чтобы колоть щепу, ходил и собирал палки, а потом сушил их на печи, и огонь не разгорался.

Следующих взяли со склона горы. У нее походка была странная, у него – нет. Она не в первый раз была замужем, а может даже и не во второй, во всяком случае вскоре выяснилось, что она очень больна и с тех пор лежит в больнице, в шезлонге, и долго не протянет. Он был похож на овцу. Глупым его не назовешь, никак. Он был похож на матроса. Он работал официантом. Он плакал, если у него что-то не получалось, а если злился, никогда не спорил.

Третья пара приехала на поезде издалека, и с ними приехала маленькая дочка, чего никак никто не ожидал. Девочка была просто красавица и по лестнице поднималась очень изящно. Он был бухгалтером и любил поэзию и автомобили. Он очень скоро понял, что произошла ошибка. Ей уже удалили одну почку, и вскоре должны были удалить вторую. Они все трое хотели спать под деревом, но это неприлично и опасно. И начались сплошные страхи, и ахи-вздохи, покуда наконец бояться стало нечего. Да и не было никогда.

Следующие были иммигранты. То есть иммигрантов-то, конечно, больше нет, потому что ни одна страна их больше не принимает. Но эти были иммигрантами много лет назад, когда в любой стране их принимали с распростертыми объятиями. Какая жалость. Не то чтобы принять хотели именно их, но поженились они после того, как их приняли. Как бы то ни было, она прекрасно умела обращаться с лошадьми, а ему нравились машины, вот только он ни за что на свете не стал бы наниматься на работу, где ему пришлось бы лежать под машиной, и ноги наружу. Это ему совсем не нравилось. Но тут-то дело было совсем другое, потому что с машинами возиться ему не приходи-

лось совсем. Не следует забывать, что дом был загородный, и в нем, естественно, бывали гости.

Гостей было двое, немолодых, обе женщины. Никто не видел, что случилось, но каждый знал. То есть каждый знал кроме двух гостей. Они видели только то чем все кончилось, то есть только когда все кончилось они поняли что к чему.

Почему кровь на полу в столовой может вынудить человека взъяриться на машины и телефоны и столы. Почему.

Вот так оно все и случилось. В доме были собаки, но на этот счет беспокоиться нечего. Слушай внимательно.

На следующий день подойдя к столу, чтобы написать письмо, было замечено, что кругом разбросаны волосы и комья пыли. Это была не случайность и сделано было нарочно. Затем некто вышел, чтобы завести автомобиль. Его владелец, естественно. Он не заводился. Потом вышел еще человек, чтобы завести другую машину. Опять-таки, понятное дело, ее владелец. Машина не заводилась. Позвоните в город, в мастерскую, крикнули они еще кому-то, телефон не работает, был

ответ. Телефон действительно не работал, это факт. Поблизости был еще один телефон, о чем, как оказалось, не знал никто в доме, кроме того человека, который позвонил в мастерскую. Вскоре приехали два механика на двух машинах. Они обнаружили, что в одной машине бензобак был залит водой, а в другой выведены из строя свечи. Приехал телефонист и выяснил, что от аппарата отсоединили проводок и вместо него засунули кусок хлопковой нити, которой был обмотан провод. Механик по поручению владельца машины поговорил со слугой и сказал, что само по себе такое навряд ли могло произойти, и слуга на это ничего ему не ответил. И тут приехали еще другие гости и среди всей этой кутерьмы в столовой оказался один очень милый молодой человек и очень уж ему хотелось кому-то подарить одну очень милую картину. Как же он тут очутился, впрочем ничего удивительного, каждый был с ним знаком, вот только каждому казалось что каждый с ним поссорился. Ну что ж как бы то ни было каждый поцеловал его и он уехал. Слуга подал обед и никаких к нему претензий, а потом его вместе с женой рассчитали и все. Механик из мастерской сказал, мол, рассчитайте их и забудьте про них, и все, так оно и вышло.

Лиззи ты понимаешь.

После этого все разъехались, то есть не осталось никого кто так или иначе там не жил, в загородном доме, так или иначе.

Эти, те которые остались и жили так или иначе в загородном доме, этим нужно было тут же отправляться на похороны, и никак иначе. Похороны это всегда событие, и на этот раз отправился каждый, то есть на самом деле только один и отправился, потому что событие трагическое и отправился каждый. Вот так они и поехали, вот так они и увидели то, что увидели и ничего больше.

Напротив, голос против, она была против, просто голову себе сломала.

Всех прошу лицом, улыбочку, на случай, если она против.

А она была против. Она упала на пол, цементный во внутреннем дворике, и сломала спину, но не умерла, и почему не поняла. А через пять дней ее не стало.

Понимаешь, что я имею в виду. Загородный дом это не то же самое, что дом за городом, и гостиница в деревне не одно и то же, что

гостиница в городе, если только не в маленьком городке. Все они отправились на похороны. Они подошли к телу, они поцеловали крест, они побрызгали кропилом, и они прошли совсем рядом с тем местом, где их стояло пятеро, может больше. И ничего страшного.

Очень было похоже, что она умерла.

В гостинице один на кухне, а другой по хозяйству. Выходит, муж и жена.

Каждый это знает. И каждому есть, чем заняться, вот никто никуда и не ходит. Он никуда не ходил, потому что мать у него тоже никуда не ходила, хотя отец совсем другое дело. Такой он был человек. Она его жена никуда не ходила, потому что она была одна единственная у него жена. Он говорил, другой ему не надо, даже если она бывала против и не права была. Он не говорил, что ему другой не надо, если бы она вдруг взяла и умерла.

Бог ты мой. Нас всех за живое взяло и проняло. Когда до нас дошло, что она умерла. Не то чтобы кто-то был против. Просто новость такая пришла. Она умерла.

Как она умерла. Пришла пора мне про это рассказать. Как она упала. И умерла. Но не сразу.

А на пятый день. Хотя многие были и не против прислать цветы, на случай, если она вдруг уже умерла.

Как она могла умереть, если умирать не положено. В некоторых странах никто не может умереть, если мертвым быть не положено. А если такое случается в странах, где никто не умирает, если умирать не положено, то это просто стыд и срам, что если она мертвая, то она умерла.

В любой стране в каком-то смысле мертвым быть не положено, то есть умирать. А почему. Всякий знает, почему, в той стране, где никто не может просто взять и умереть.

Послушай вот еще что.

Давным-давно, то есть еще до этой войны, давным-давно, хотя, по большому счету, не так уж чтобы очень давно, потому что ей не было еще и сорока, ну в общем некоторое время тому назад жил-был владелец гостиницы, который унаследовал гостиницу от своего отца, а тот в свою очередь от

своего отца, и даже тот от отца же. Иными словами, если бы родился сын, а сыновей было трое, получились бы владельцы гостиницы в шести поколениях.

Шесть поколений в некоторых странах это нет ничего, но все-таки как-никак таких мало. Как раз шестой владельцем гостиницы еще не был, а может и не стал бы никогда, потому что собирался стать адвокатом, кто сказал, что обязательно шесть. Но он таки стал, то есть стал владельцем гостиницы, а вышло все это вот как.

Он еще не успел стать адвокатом, когда его мать, да-да, его мать, это она умерла, и очень странные получились дела, да и не так чтобы прямо-таки сразу взяла и умерла.

Это она была мертвая, а никто не должен быть мертвым, и ничего не доказано, когда все сказано, а очень много было сказано, всегда бывает сказано.

Так что адвокатом ему стать не судьба, и это понятно, если мать умерла, и ничего не доказано, разве можно доверять сыну-адвокату, но если он повар, то можно, или брат повара, или сын повара, или даже позже внук и отец повара.

Ты правда понимаешь.

Задолго до этой войны жил-был владелец гостиницы, очень маленький человек с очень тонкими чертами лица, и если бы с возрастом он раздался, то выглядел бы очень солидно, как собственно он и выглядел, потому что именно так он и сделал.

Он увидел девушку, тоже невысокую, но лицо у нее было довольно плоское, и у нее была улыбка, и позже она тоже будет довольно полная, вот только она будет полная и милая, и походка у нее будет очень плавная. Она будет близко к сердцу принимать всякую мелочь, которая только попадетсся ей на глаза. Она будет разбираться в чистом белье, в персиках и в маленьких кексах, во всем понемногу, но всегда как раз настолько, насколько нужно. Она будет присматривать за тем, как работают служанки, и будет ненавязчиво подталкивать их к тому, что и как они должны делать, а работы всегда хватало. И для них, и для нее. На весь день и каждый день. Она всегда была почти само совершенство, когда стояла. Она никогда не сидела. Разве что совсем поздно вечером, когда он и она садились ужинать.

Подумай обо всем этом.

Ты только подумай обо всем этом.

Он был немного похож на свою мать. Его отец всегда был высокий, и теперь тоже.

Стоит кому-то из нас об этом подумать, и мы видим то, что видим.

А потом пришла война, эта, последняя война. Она была из более бедной семьи, чем он. Он вообще был не из бедной семьи. А это все-таки разница, и в каком-то смысле никому от этого не лучше. Никому от этого не лучше.

Когда пришла война, он ушел на войну. Он был маленький человек, и он ушел на войну. Маленький человек иногда вообще на войну не попадает, но он был маленький человек, и он ушел на войну, и более того, он на войне не в повара попал, как многие другие повара, он ушел на войну, и сражался на войне, и более того, он сражался все те долгие годы, пока шла война, пока войны совсем не стало.

И все это время она была дома, дома в гостинице. Ну что это за дом. В каком-то смысле да, в каком-то нет, но в любом случае другого дома у нее не было.

Каждый день и снова каждый день ей приходилось видеть, что все на свете делают, что кому не лень, и снова то же самое везде, куда ни кинь. Все как один. И всегда все как один. И куда ни кинь всюду клин. И вот в один прекрасный день с ней все то же самое. И так с ней каждый день, и каждый день уходил совсем, а тут и ночь совсем тут как тут.

Всякий знает, что ночь она не день.

И каждая попытка как пытка, но в скором времени она и пытаться перестала, и пытка кончилась. День как день, все то же самое. Но каждый день не только день, и пытке маленькое место, потому что день, но не только. У дня есть тень, у каждого.

Каждый день какая-то тень. Ты думаешь, она пыталась. Нет, не пыталась, потому что всегда одна и та же дребедень, и день идет и тянется весь день.

Вот так в один прекрасный день она и попыталась найти поближе ночь, точь-в-точь, в самую точку, как только попыталась, стала пытка. Но умирать она не собиралась. Нет, конечно, и кто-то даже знал, но каждый еще не знал тогда. Как она всегда все делала.

Но очень мило и очень так по-женски. И все на свете она делала, и муж ее пришел с войны, и было четверо детей. Звучит иначе, чем оно на самом деле было. Четверо было детей, и все как один похожи на него, точь-в-точь как он один. Четверо детей были Этьен, Джон, Эрнест и Эмили.

Теперь ты видишь, какая была семья, и как теперь ее не стало.

Теперь, когда он пришел с войны, они стали все богатеть и богатеть. А в прочем ничего не изменилось.

Стали богатеть и богатеть. А в прочем ничего не изменилось. После того как война кончается, если они приходят домой и становятся все богаче и богаче, иногда все меняется, а иногда совсем ничего, кроме этого.

Она была из бедной семьи, а он нет. В этом смысле ничего не изменилось. Она была очень добрая и улыбалась ласково, и каждый день все заново и снова то же самое; и иногда по нескольку раз на дню, а иногда по десять раз на дню все снова заново и снова то же самое.

Он был очень занят каждый день.

Вот так мне все это видится, видится со стороны. И от этого ясно, что никто пока не умер.

Они стали все богатеть и богатеть, каждый день. Четверо детей делались богаче, что ни день, и снова то же самое. Богаче и богаче. Единственное, что менялось, каждый день. И снова каждый день то же самое. Богаче и богаче, что ни день.

Как и было сказано, они никогда не ходили и никогда и никуда не уезжали и оставались во всем как и раньше и оставались там, где они оставались каждый день и становились все богаче и богаче, каждый день, все то же самое.

Однажды никуда он не ушел, но что случилось. Он ей изменил. Он никуда не ходил она никуда не ходила, они даже на минутку за весь день никуда не выходили каждый день, но он ей изменил, и она поняла, что ночь есть день, ты только подумай. Она поняла, что ночь есть день.

В каком-то смысле каждый знает, в чем разница: ночь и день. Она и знала, и не знала.

Он знал, но какая в сущности разница.

Для нее это была просто пытка, но она пыталась быть. Да, хорошая моя. Она пыталась и однажды, когда она пыталась, помнишь, однажды, когда она пыталась это была просто пытка. Она не могла не пытаться и не пытаться себя не могла. Она могла улыбаться, и в дом, и из дома. Но если бы она попыталась, получилась бы просто пытка.

Лиззи ты понимаешь.

Все ушло как не было кроме того что день ото дня они становились все богаче и богаче.

Это было пять лет тому назад или около того.

Теперь ты видишь то что видно. С каждым днем они все богаче. Она каждый день по дому и в дом и каждый день то же самое и из дома и опять то же самое столько раз на дню сколько раз на дню. Что ты сказала. Да была у них одна служанка, которая свою часть работы делала как надо. Она работала что надо и чем надо было любоваться тем и любовалась. И постепенно уже никто ее не любил и не хотел. Ее семью тоже все вокруг знали, и скоро станет совершенно ясно,

что они тут совершенно ни при чем, и она тоже.

Все это было пять лет тому назад.

И все стало тихо. Они были все такие же богатые, если не богаче прежнего.

Их второй сын владельца гостиницы второй сын должен был остаться с отцом, он должен был остаться с отцом и матерью, он должен был остаться здесь. И что случилось. Часто так случается. Он занемог и совсем слег. Но он не мертвый. Он не умер. И что вместо этого. Жуть, что вместо этого. Кто-то должен был умереть. Может, бабушка, но это уже и не важно.

А потом все поняли, что это правда. Она его мать упала из окна на цементный пол и после этого не знала, не больше чем другие, что было до этого. Через пять дней она была мертва и каждый говорил что родственники садовода говорили что она ходила во сне. А ходила она во сне. Когда-нибудь вообще ходила во сне. Кто-нибудь вообще ходил когда-нибудь во сне. Куда она ходила. И кто это что она вообще ходила. Кто это. Кто кого пытал.

Я хочу сказать все что знаю про садовода который выращивал цветы. Там восемь человек в семействе, не считая отца и матери и всяких там женатых братьев. К гостинице они вообще никакого отношения не имели, если не считать сестры, которая имела, потому что там работала в прислугах.

Они и говорили, то есть он говорил, он который садовод говорил, что потому только эта гостиница и держится, где работает его сестра, что держится она на воле трех человек, его сестры, старшего сына матери которая жена владельца и деда который отец владельца этой гостиницы.

Лиззи ты не возражаешь.

А теперь рассказать и примерно показать весьма весьма примерно показать как семейство садовода до того дошло и дожило, что решило рассказать, а эти выживут не смотря ни на что, выживут, чтобы все рассказать.

Давным-давно был сад. Сад был очень старый и все кто в нем бывал были люди верующие. По-своему они были люди верующие. Но даже и при этом у людей были семьи. И это семейство было весьма извест-

ное как история семьи. То есть я хочу сказать, с тех самых пор как город себя помнил, он помнил и про них. Не то чтобы они были люди значимые. В каком-то смысле люди они были незначительные совсем незначительные, но постепенно появилась в них некая значимость, которая и где угодно может иметь значение. Как я уже сказала, их было восемь, четверо братьев и четыре сестры. Четыре сестры и трое братьев были точь-в-точь как старший брат и как мать. Хотя конечно такого быть не может. Глупо думать, что такое может быть, поскольку между всеми этими братьями и сестрами разница была всего по два года вплоть до самого младшего. А он собирался стать священником.

Не имеет никакого значения, что каждый знает про чьи-то там труды и дни, ни малейшего не имеет значения. В каком-то смысле не важно даже то, что об этом говорят. Даже если в других каких местах это и важно.

Старшего из восьми сестер и братьев, то есть четверых братьев и четырех сестер называли старший. И это тоже не важно потому что каждый его знал, и очень было важно, чтобы никто не знал, что все они заодно и думают одинаково. По крайней мере

кланялись они одинаково. И то же их мать, которая была на него похожа и носила парик. Каждый знал, что она на него похожа и носит парик.

Они жили в саду и они жили возле сада. Они могли бы быть богатыми, но поскольку семья была такая, кто их знает. И по крайней мере, если они страдали от бедности, то страдали долго. От этого некоторые из них стали умными. От этого-то все и произошло, если, конечно, они вообще были бедными.

Они были не бедные и гордые. Никто так не говорил. Кое-кто поговаривал, что они слишком много о себе понимают, но во всяком случае старший брат был человек любезный, он всегда готов был сделать все, что в его силах.

Сестер на работу устраивал не он. Братья у него были домоседы и если куда уезжали, всюду таскали за собой свой сад, и никто из них не уезжал далеко, но никто там и не оставался, и только один из них женился и ребенок у него тоже был только один.

Вот так они и жили, и никто из них не умер, даже отец, который не жил в саду, хотя раньше и жил.

Она та сестра которая никуда не отлучалась из гостиницы где работала кроме как разве сходить домой в сад, куда она ходила каждый день, была самая старшая из семи, то есть она была младше чем старший. И таковой себя и ощущала.

Кто был героем этого сада и при чем тут отец. Был при чем, но потом исчез. Героем был который старше семерых, то есть который самый старший из восьми, а семеро его были младше.

Но вернемся в гостиницу.

Вы хоть кто-нибудь из вас знаете такую болезнь, от которой вокруг глаз такие черные круги, как будто ваксой нарисованы. Няня у малышки Эмили такой болела.

Этьен, который должен был стать адвокатом, заняв место своей мертвой матери, стоял у дверей в гостиницу и принимал гостей.

Но вернемся в сад и речь пойдет вовсе не про одно и то же.

Давным-давно жил-был старший брат, старший из восьми, который сражался на этой войне.

Это было совсем неважно.

Когда война, все сражаются на этой войне. И если война, все на этой войне сражались. Конечно сражались, потому что именно такая она эта война, а не какая-то там другая. Старший брат давным-давно сражался на этой войне. Чего и желали.

Он сражался на этой войне, он стал бы священником до или после или во время этой войны, а вот и нет. Никто не умер. Столько людей поубивали, но никто не умер.

Лиззи ты не возражаешь.

Вот такие с ним дела и с братьями его и сестрами, такие с ним дела, и с его матерью, такие с ним дела. И с отцом. Который жил один, который владел и владел и жил один, и на одном глазу у него была катаракта и никто не видел чтобы для кого-то это была пытка но они работали весь день слишком скоро.

Это не описание того, что они сделали, потому что никто не видел, как они это сделали. Однажды старший брат с садовой лейкой и что-то вроде фартука на нем, и лейка для полива, которой он размахивал, и меж-

ду ним и тем, кто пришел, был человек. Кто этот человек. Плотный человек, все остальные были худые, идущий человек, все остальные бежали и кланялись. Кто был этот человек, и он был между и между.

Я чувствую, что ничего не знаю, когда страдаю.

Понемногу они начали понимать, что им делать.

Каждый считает, что никто не знает, даже если каждый знает.

Между знанием и растением разницы никакой.

Мало-помалу сад они поменяли.

Старший чувствовал, что он не сможет стать священником, нет-нет никак по крайней мере пока отец жив а отец все никак не умирал, и потом тоже никак не умирал, и никто не умер, и даже двоюродный брат не умер, но от отца они все равно избавились. К этому времени они уже считали, что по отношению к ним это несправедливо, именно так они и написали.

К этому времени, ко времени когда они отделились от отца, а как такое могло случиться, я тебе скажу позже. Это конечно не преступление, но такое бремя, а каждому бременю свое время. К этому времени старшему брату поздно уже было становиться священником, а вся семья хотела, чтобы он удалился и молился себе на здоровье чуть ли не сразу после того, как они отделились от отца; тот самый старший брат, который выгнал отца из дома. И каждый день являлся очередной брат и говорил, чтобы он удалился куда-нибудь и молился. Следующий брат по старшинству молиться не мог, потому что был женат. Его жена мастерила цветы, искусственные цветы, а теперь еще и родила ребенка и все довольны и все идет потихоньку.

А никаких искусственных цветов здесь не было, одни натуральные. Даже слишком иногда натуральные, они сажали дикие цветы, а потом их продавали.

Когда есть восемь человек, их никогда не станет семь, если только один из них не умрет, для начала. Что ты сказала.

Нельзя ли двери закрывать везде ко времени и быстро. Чтобы не было убийства.

Четыре три пять. Что.

Каждый интересно понял что к чему. Пока у нас тут два семейства, и кроме прочего загородный дом.

Три преступления кряду. Приступим.

Не забывай, что был там загородный дом, где в один прекрасный день все и произошло, а в другие дни происходили всякие другие вещи.

А потом были похороны.

Прочитай начало заново.

И еще была гостиница, где что-то случилось, и пошло-поехало, не постояльцы, конечно, из гостиницы, потому что никто из тех, кто только что приехал, поужинал и переночевал, не мог ничего знать про то, что случилось. Просто удивительно до чего же ловко они все замяли, и все как всегда одно и то же. Это все благодаря сильной воле трех человек, сказал садовод. Воле отца владельца гостиницы, воле старшего сына владельца гостиницы, которому не было еще и двадцати и который учился на адвоката, и воле сестры садовода, которая работала

в гостинице и каждым любовалась, она сама так говорила, и уж хозяином гостиницы она любовалась во всяком случае вовсю. Владельцу гостиницы нужно, чтобы им любовались, потому что если он еще и повар, ему порой приходится трудиться вовсю, особенно если все на свете ему приходится делать практически в одиночку, а ресторан на двести человек.

Конечно Лиззи ты же понимаешь конечно понимаешь.

По большому счету в этой сестре садовода не было ничего интересного, в той которая работала прислугой в гостинице, никому на свете в гостинице. Нет конечно. И вообще все в порядке.

Это вовсе не она сказала, что жена владельца гостиницы, которая сама не поняла как умерла, да в общем-то не умерла, а умирала, когда упала на цементный пол, ходила во сне. Нет, правда, не она совсем. А ее старший брат.

Каждый помнит, что я сказала про этого старшего брата. Он был старший брат при матери и кроме того еще семеро, и ни разу никто не умер. Только не эти. Но все не так

как может показаться. Самая младшая сестра не то чтобы была на грани смерти, ее не отравили, а только отправили по всем правилам, чтобы не так не умерла. И она не умерла. Ни разу. И вернулась в добром здравии. А потом много позже она поехала в город чтобы посмотреть город и там ее сшибла машина, и слегка ей красоту подпортила, не то чтобы там была особенная какая-то красота, но цвет лица свежий.

По крайней мере каждому нравилось на нее смотреть. Она была не самая молодая из семи. Она была из девушек моложе прочих, и еще был брат ее моложе. Что с ним случилось. Он собирался стать священником. Вместо старшего, который тоже раньше хотел. Что его остановило. Все на свете. Война. Бедность. Семеро братьев и сестер с отцом и матерью, который был человек тучный и вид у него был очень важный.

Помнишь что случилось. Старший брат избавился от отца. И это правильно. Отец все прибирал к рукам и толстел все больше, а они все восемь вместе со своей костлявой матерью, которая носила парик, все кланялись и бегали туда-сюда как заводные, и только сохли день ото дня, но не сдохли.

Вот такие с ними дела.

Старший брат, брат и мать и семеро младших не избавились от отца. Старший брат при помощи одной богатой старухи, не то чтобы очень богатой, но очень старой и очень хорошо известной, и очень решительной и любопытной, избавился от отца. То есть я хочу сказать, старший брат, следуя советам и заодно набравшись храбрости, избавился наконец от отца.

И что потом вышло.

Отца убрали без лишних хлопот, он теперь сам живет, и мать в парике в доме тоже не стала не осталась, и вот, все им перешло, и жили они все в саду и с каждым днем все богаче и богаче. Вот только не по-настоящему богаче, или, может, люди просто не могут по правде разбогатеть, если они и правда бедные. А были они по правде бедные или нет. Увы и ах. Этого никто знать не может.

Как бы то ни было, братья и сестры, ты помнишь, что теперь их семеро, которых раньше было восемь, и все они живы, и как братьям и сестрам им казалось, что старший брат уже свое дело сделал и должен теперь удалиться и молиться. И тогда их становится семеро.

Теперь обрати внимание, что этому старшему брату было всего тридцать семь лет от роду. И в тридцать семь старшему брату не очень должно хотеться удалиться и молиться, вот ему, естественно, и не хотелось.

Это старший брат сказал, что жена владельца гостиницы ходила во сне.

Ходила ли.

Чего не знаю, того не знаю.

Глава ВТОРАЯ

А эта вся будет про старуху, которая вела себя с садоводом, который старший из восьми, так, как будто он это она сама.

Слышишь меня.

Сколько разных загородных домов бывает, представь, просто представь сколько бывает разных загородных домов.

Много бывает разных загородных домов, послушай все сколько ни на есть разные загородные дома которые только есть на свете.

Этот был такой который раньше был маленький такой. Она которая там теперь жила, она там раньше не жила, когда он был маленький. Послушай-ка ее историю. В общем, слушай ее историю.

Поразительно когда такой сильный когда тебе восемьдесят какой ты будешь в девяносто, и такой же энергичный: я в смысле восьмидесяти и девяноста лет от роду, конечно.

Вот такая она была. Такая же энергичная в восемьдесят, как некоторые в девяносто, и в девяносто она будет такой же энергичной как другие в восемьдесят, и такой же богатой. Была ли она богатой, были сыновья ее богатыми, и были ли богатыми ее невестки или они всегда были богатыми. Невестки могут быть богатыми, если они всегда такими были, богатыми. Но были они небогатые, если были вообще, если были вообще.

Там было два сына, один и один и один, получается три, но второй умер, очень часто второй бывает мертвый, когда война. И все же знают, что она была, война.

И те два, что остались, были совсем не похожи друг на друга.

Что не удивительно, если матери их девяносто и восемьдесят, и такая же как всегда.

Как я уже сказала, она жила в большом доме, но она не жила в большом доме, когда была молодая, а дом был маленький. Она тогда жила в другом доме, который был примерно такого же размера, как этот дом, который был маленьким. Так говорили ее соседи. Но это было неважно. Она могла жить вообще где угодно, а ее второй

муж сделал из маленького дома большой. Перестроил.

Старший сын был женат, и младший тоже. Старший был женат на одной женщине, которая была не в состоянии все время жить в городе, потому что ничего не ценила так высоко, как частную жизнь. В промежутках она со своей матерью, со своим отцом и со своей теткой. Она могла бы выйти замуж за богатого человека, если бы ее отец не разорился, вложив деньги в Южной Америке задолго до того как другие люди разорились, вложив деньги в Южной Америке. Но замуж она вышла удачно и говорила, что тетку ее убил доктор. Она это говорила жене доктора и матери мужа дочери доктора. И даже если это была правда, все равно как-то не по-людски.

Второй сын был человек богатый, покуда можно было быть богатым, вкладывая много денег во все на свете, а потом ни с того ни с сего, увы, богатым быть уже не получалось, вкладывая деньги во все на свете. Он женился на маленькой девушке, молодой и красивой, и звали ее Мейбл. Мабель лицом в оконную панель, а за окном капель. У нее родилась дочка, красивая. Но Мейбл, которая любила своего старого мужа, кото-

рый был глух и носил монокль, теперь, когда все было уже не так как раньше, больше его не любила. Будь у нее такая возможность, она покатила бы по наклонной плоскости. Такова история Мейбл. А теперь о том, кого любила старуха восьмидесяти лет. А никто и не сказал, что она кого-то любила. Но она любила. Ну, любить-то она никого не любила, но любила слушать садовода, старшего сына.

А потом она сделалась бедной.

Она слушала, слушала обо всем на свете, и ему помогала слышать. Она помогала ему все на свете слышать. Она все на свете слышала.

И она каждому обо всем на свете рассказывала и создала старшему сыну то есть старшему сыну садовода солидную репутацию. И собственные ее сыновья ничего не имели против. Совсем наоборот, им это нравилось. И невесткам тоже. Но это совсем другая история и как таковая нам не очень важна как была бы важна если бы была важна как та про то что все заодно и думают одинаково.

И это для них такая пытка.

О господи какая для них это пытка.

Мейбл была сама доброта с младшей дочкой садовода и все они звали ее Мейбл, что само по себе странно и обычно так не делают.

Человека которому ты делаешь добро ты можешь называть Мейбл если его зовут Мейбл, но человека который делает тебе добро не называют Мейбл. Ни в коем случае. Каждый этому дивился, но на сей раз все было именно так.

Вот как все вы сбиты с толку совершенно только не я, я с толку не сбита.

По большому счету не от чего тут сбиваться с толку.

Со сколькими домами и семьями вы теперь знакомы.

Раз два три четыре пять.

А со сколькими преступлениями.

Раз два три.

А со сколькими возможными преступлениями.

Шесть.

Глава ТРЕТЬЯ

Что заставляет нас вернуться к Мейбл, после чего пойдут признания Мэри М. по этому случаю. В этом деле нет никакой Мэри М., но если бы была она бы непременно именно так и сделала. Мэри М. звучит совсем иначе чем Мэри И. или даже Мэри Д. или какая там разница между Мэри Б. и Мэри В.

Признания Мэри М. по этому делу.

Это мой случай. Может быть и ваш случай тоже. Это мой случай. Может быть только не может быть, а точно и ваш случай тоже.

Именно так она и сказала я накрепко запомню все что она сказала.

Если ты, может быть ты, в состоянии понять что я люблю пуще прочих.

Мэри сказала что не может, не странно не наверняка не любить пуще прочих.

Еще она говорила о собаках и о матерях.

Ты помнишь давным-давно в самом начале, когда в загородном доме были гости, и еще там были слуги там были собаки и речь шла о том, что на этот счет беспокоиться нечего.

Мэри сказала, что это неправда. Не может быть правдой. Не может быть чтобы где-нибудь были собаки, и чтобы на этот счет беспокоиться было не о чем, потому что с собаками вечно что-нибудь происходит. А они такие милые. И если это твой случай то больше ни о чем даже думать не в состоянии. Это конечно было не так, потому что огромное количество людей именно об эту пору думало о совсем других вещах. Ты помнишь именно об эту пору.

Мэри сказала, что ни в коем случае, даже если бы ей самой того хотелось, никто не в состоянии такое представить или устроить, в том случае если в доме достаток. Ей нравилось слово достаток. Никто не может быть не только, но и вправду настолько богат.

Ты помнишь давным-давно, когда слуги походили с ума и в доме стало так странно, объявился один молодой человек, и многие уверяли что он очень милый хотя на самом деле нет. Он был шотландец и разболтал все на свете.

Пожалуйста не забывай как зовут каждого. Но никто своих имен не разболтал. Вечно так с людьми когда всего лишь преступление, то есть основания для преступления. И знаешь что следует запомнить назубок когда есть основания для преступления никакого преступления нет. Вот так и думала Мэри хотя не говорила этого вслух, ну то есть можно сказать, что говорила она почти без умолку о том и о сем, но что интереснее всего, так это о чем она думала.

Теперь ты понимаешь, как каждому недостает маленькой собачки, по крайней мере они говорят, что скучают по ней, а может и нет. Вот так и говорила Мэри.

В том что Мэри говорила есть своя интрига. В том что Мэри говорит неизменно есть интрига.

Мэри говорила о Мейбл, но с ней знакома не была. Это просто потому что у нас не было времени ее представить.

Пожалуйста будь готова к Мэри, к Мейбл и к множеству других. Так говорила Мэри. Мэри говорила будь готова к Мейбл, Мэри и парочке других. Вот как тебе будет угодно.

Мэри бывает очень рискованная и воздаётся ей сторицей. Она всегда была уверена что воздаётся ей сторицей. Ее не испугать хождением во сне. Не было таких людей которые ходили бы во сне или слышали про такое. Она слыхала про старшего сына садовода и ей казалось что это просто здорово когда человек не хочет просто удалиться и молиться, хотя в противном случае было бы почти так же здорово. В этом Мэри объективна.

У нее ко всем вещам такой подход как будто кто-то начал а расхлебывать ей. Ну Мэри Мэри ну пожалуйста. С такими как они это будет нетрудно.

Давай теперь подробнее о Мэри и чтобы точно и в деталях с самого начала.

Слишком рано начинать с конца, вот мы и не станем. Ну и пусть каждый будет сыном или отцом сына или матерью.

Будь готова к пыткам и попыткам стать сыном для матери или сестрой для отца или братом для матери или еще как-нибудь как тебе больше понравится.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

Как же странно каждый занимает твое время, очень странно и очень тяжело и очень трудно и слишком слишком так.

Люди неосторожны, но не поэтому ты разбалтываешь все на свете.

Ты больше всего ценишь все что делаешь и просишь чтобы заезжали и кто на свете сможет их не попросить чтоб заезжали.

Все равно попытка пытка.

Оставь как есть как есть.

Никакой нет разницы между очень старой женщиной и ее сыном или между этим сыном и сыном другой какой-нибудь старухи. Они все живут вместе даже если приезжают и уезжают.

Лиззи ты не возражаешь.

Если женщина старая и помнит как нужно любить хоть кого-то значит она не старая женщина и не помнит как нужно любить хоть кого-то.

Это не преступление.

Но может стать таковым если через некоторое время тот кого она помнит не спит ночью.

Ты считаешь это правильно.

Не забывай что столько раз подряд я пытаюсь рассказать тебе о том, чего они не говорят.

Старший сын садовода не спал по ночам.

Просто невероятно как мало он спал.

Со временем он спит все меньше и меньше, так он говорил. Очень трудно бывает узнать сколько времени человек действительно спит в своей постели. Он говорил что вообще. Каждый знал что он не спит.

Но есть ли связь между этим и тем фактом что он говорил что жена владельца гостиницы которая умерла не в своей постели а на цементном полу ходила во сне.

Ты не думаешь что зная о том что он не спит он мог сказать все то что сказал.

Сама я так не думаю.

Я думаю очень может быть что она во сне не ходила.

Я думаю во всяком случае то что он все это говорил никакого отношения к тому что он не спал не имеет. Это совершенно естественно при том образе жизни который он ведет и вел всегда. Нет никто не умер. По крайней мере не у него в семье. Каждый об этом знал.

Какое им дело. Мейбл и Мэри.

Мэри исчезла.

Сказав что Мэри исчезла я имела в виду, что она оставила после себя память о том что была совсем как Харриет, только Харриет не думала о собаках а Мэри думала.

Какая пытка как подумаешь о преступлении.

Мэри к этому не имела никакого отношения и все же. Она и впрямь исчезла, то есть если вам так хочется, вы знаете, где ее найти. Никто не задыхается или так.

Ну прошу вас поиграйте вокруг фонтанов.

Ни один садовник так не скажет мол прошу вас поиграйте вокруг фонтанов.

Мэри никакого дела не было до садов и парков ни до того, ни после того как она исчезла.

Мейбл которая никогда не исчезала, она хотела покатиться по наклонной плоскости но разве можно покатиться по наклонной плоскости если свекрови у тебя все равно что восемьдесят лет и всегда была такая. Она которая свекровь именно так всегда и делала, короче все на свете.

Ах Мейбл Мейбл и булавки застегнуть не в состоянии, потому что вся она совсем другая.

Я часто задаю себе вопрос знают ли люди как они умудряются чувствовать себя хорошо. Хорошо совсем хорошо.

Почему же они удивились увидав ее. Никто никогда не удивляется увидав кого угодно потому что в конце-то концов всякое случается. Случаются слуги, случаются свадьбы, случаются гостиницы, случаются садоводы, случаются мясники, случаются чужие жизни, случаются рынки и еще мастерские случаются и случаются машины. Конечно же

все это случается и в каждом случае очень бывает странно что они раньше не заметили друг друга. Раньше когда.

Ну милая моя. Раньше чем.

Подумай над этим, подумай как близко преступление, и как близко преступление не бывает здесь вообще. Подумай над этим. Подумай над этим. Подумай как странно что если они встретились значит никогда не встречались. О господи, только подумай над этим.

Мейбл когда была молодая а она по-прежнему была молодая только теперь это уже не так, могла любого заставить подумать о чем угодно. И она вышла замуж, он был крупный мужчина средних лет который носил монокль и она его любила. Мать у нее была красotka и ребеночек тоже родился хорошенький.

Она познакомилась с ним он познакомился с ней.

Разве ты не понимаешь что я имею в виду, ничего удивительного.

Было уже совсем не удивительно, что она

познакомилась с ним, а он познакомился с ней, и они поженились.

Было удивительно и причина почему единственное что действительно удивительно что встретились случайно. Его мать которая была фигурой влиятельной хотя и очень старая обращалась с сыном садовника, понимаешь, садовода значит садовника, так словно он бог знает что. А садоводова младшая сестра познакомилась с Мейбл вдали от дома куда ее послали жить, не Мейбл, а садоводову младшую сестру. Мейбл жила в тех местах там где везде люди фигуры влиятельные.

Видишь, ничего удивительного, простое совпадение. Факт не удивляет, удивляет совпадение, вот потому-то преступление и удивляет. В преступлении всегда есть совпадение.

Столько на свете способов чтоб преступленья не было.

Глава ПЯТАЯ

Совсем другое дело, что эта семья была знакома с другой семьей. Это тоже имеет отношение к женитьбе и вообще все что важно даже сироты буквально один сирота потому что второй умер до того как сиротство стало полным. В каком-то смысле никогда оно и не стало полным, потому что мать не умерла, вот только от нее избавились наконец.

Есть несколько способов, которыми можно от матерей или отцов, чаще отцов и очень часто матерей избавиться, даже в семьях очень влиятельных.

А теперь вспомни что до сей поры у нас было две можно сказать три.

Та мать что умерла, ну от нее-то не избавились.

Отец что не умер и не избавились от него а просто отделались.

А та мать от которой избавились потому что с головой у нее было не так как должно было быть, только не она, она-то не умрет.

Это все не больно.

Из того что случается, готовить или не готовить ничего не нужно, еду, слуг, свадьбы или встречи.

Начинаешь ты уже понимать как то здесь, то там они начинают пребывать не там где были, хотя некоторые пребывают там где были, но иные нет.

Коза тоже имеет отношение к этой истории. Когда-то у кого-то были две красивые собаки которые большие. Одна была самец а другая самка, у них должны были родиться щенки, и их хозяйка, женщина, богатая и заботливая, всегда носила плотницкие брюки и плотницкие блузы и любила работать. Она говорила что когда щенки появятся на свет их будет девять и молока им будет нужно больше, чем есть у матери. Она говорила что мол всегда так. И потому говорила она нужно будет купить козу.

Трудно купить козу, не то чтобы козы так уж редко встречались, попались не попались.

Она через вторые руки нашла ветеринара который умел спасать жизни, собачьи

жизни, коровьи жизни, овечьи жизни, и даже козьи жизни. Вот

с лошадиными жизнями дело обстояло хуже. Это потому что отец его и дед ветеринарами не были, он тоже не был но он она, даже его сестра всегда знала что делать. Другие ветеринары были как врачи которые сразу видят что к чему, а он знал что нужно делать.

Его попросили найти здоровую козу. Он нашел. А потом. Садовода, старшего сына, попросили привезти козу на машине, его собственной, а он сказал нет, ничего подобного. Я эту козу не упущу.

Это правда было. Козу купили и отдали за нее деньги, и, как поговаривали, такое часто случается, когда бы кто и что не говорил, что садовод не говорил того, что он говорил.

Козу пришлось продать еще кому-то и это тоже в свою очередь дало людям основание говорить, что старший из восьмерых давайте назовем его Александром с этих пор не только никому не мешал но и сам стал помехой.

Теперь ты понимаешь как все встало на свои места, одно к одному, не для того, чтобы кто-то умер, а для того, чтобы никому и никакого дела не было до того, кто и что говорит.

Как я уже говорила, одной что вышла замуж было всего семнадцать лет. Три вышли замуж одна семнадцати, одна шестнадцати, одна восемнадцати. Эти все конечно были женщины и каждая из семьи весьма влиятельной. Каждая вышла замуж сама по себе и с другими была незнакома хотя каждая знала о том кто такие другие. Само собой.

Александр в каком-то смысле знал их всех но ни одной из них из всех не лучше прочих. Никакому садоводу Александру не подобало бы называть одну из них Мейбл, ни в коем случае. И для другой не должен был бы делать он всего на свете, никак нет, или скажем целовать ручку кухне третьей, это уж прошу прощенья.

Единственное что он мог себе позволить так это говорить что жена владельца гостиницы ходит во сне. Исключительно это он и мог себе позволить.

Жила-была дама восьмидесяти лет которая любила слушать все что он мог себе позволить

говорить и промеж собой они устроили так чтобы отправить отца куда подальше, не то чтобы восьмидесятилетней даме было что сказать, кроме того что он вполне достоин всего что с ним случилось, а сам он человек вполне достойный, достойный того, чтобы отца заставить сад оставить им всем остальным и отправиться куда подальше.

Чем дольше ты живешь в деревне тем меньше удивляешься тому что выгнали его и дверь закрыли.

В каком-то смысле никогда здесь так не делают но если бы не делали совсем было бы лучше.

Есть много мест на свете где все замужем, даже в деревне, а некоторые ничего подобного. Подумай-ка над этим, даже в деревне, а некоторые ничего подобного.

Вот мы и добрались до трех молодых женщин, которые друг с другом незнакомы, но все же знают друг о друге как, и каждая замужем.

[пианино]

Мейбл была замужем.

Элен была сирота, то есть от матери ее избавились а отца майора убило на войне. Все вы помните эту войну. Кое-кто войну может забыть. Нет надобности помнить или забывать войну.

Кто помнит дверь. Всякий кто помнит дверь может помнить войну. Он ушел на войну чтобы его убили на войне потому что жена у него была сумасшедшая. Она вела себя странно, когда ходила в церковь. Она вела себя странно даже тогда, когда не ходила в церковь. Она играла на пианино и при этом набивала между клавишами цемент чтобы звука не было. Вот видишь цемент найти совсем несложно.

Я часто обращала внимание на то как несложно найти цемент где угодно потому что везде кругом камень так что повсюду если есть необходимый дом и инструменты вот тебе и цемент. А в деревне выглядит он странно, здесь выглядит как сухость или снег, как Россия или как песок, как руины или как туман, о боже мой есть люди которым нравится жить и смотреть на него, а некоторым просто приходится, о боже мой, перестать когда они его увидят, о боже.

Теперь ты понимаешь почему я обо всем

этом тебе рассказываю, потому что если ты живешь в загородном доме, ты просто обязана все это знать, обязана и все, и ты просто обязана заехать погостить, боже мой, конечно же, моя дорогая, ты просто обязана заехать.

Не забывай однако что не за год а за три года эти три девушки вышли замуж. Мне все равно как называть их девушки или что вышли замуж, в любом случае кроме них самих и этих свадеб никому на свете они не интересны, но каждый говорил не реже чем любой другой мог бы сказать, что они вышли замуж.

Право право право лево у меня была хорошая работа и налево.

Глава ШЕСТАЯ

Чуть погодя немного те которые они смогут они будут смогут выйти замуж за одного человека, довольно молодого человека пожилого человека и довольно молодого человека.

Они друг с другом были незнакомы то есть они друг о друге знали, то есть они друг друга видели и семьи их были между собой знакомы. Все семьи между собой знакомы знают друг о друге ну конечно да а как же.

Свадьбу играют либо зимой либо летом либо даже весной.

Весенняя свадьба была с иностранцем и в семье слыхом не слыхивали что можно взять такого мужа. О боже иностранец.

Они его не слушали он иностранец.

Что он делал когда стоял. Он пел что он смел и жуть какая он посмел на золото деньги поменять и где предел. Подумай как мало они плавают, как мало иностранец может и делает и должен и будет и лучше ну его оставь пусть сами с ним.

Вот одна и вышла замуж за иностранца, одна за старика и одна за солдата, может ли такое быть чтоб хоть один был счастлив и просто удивительно что их никто не замечает.

Во всяком случае зажили они всякий по-своему и Александр садовод знал как это по-своему и надеялся по-моему что в один прекрасный день они заведут себе сад и станет он делать все что умеет делать в их саду. Конечно станет. Так оно всегда в деревне. Конечно заведут.

Неважно сколько раз сказать что каждый каждый может спать идти в кровать. К такому соглашению они между собой пришли.

И ладно. К такому соглашению они между собой пришли.

[пианино]

Ты не видишь преступления. Только не я. Потому что по большому счету живя и умирая, они приходят к выводу, что жизнь вообще такая, и ничего такого, потому что если даже все на свете, то и в этом ничего такого, даже если отрицаю. Пожалуйста, попробуй, а. Пес вот рычит но это не опасно

вовсе нет даже не раздражает; нет-нет вовсе нет. Потому что он не злой, пес никогда не злой ни даже кот, ни семья ни садовник, ни жена ни ребенок, ни спокойствие и подозрение и даже ни шоколад ни напиток. И вполонину не. Ни железнодорожные переезд и вполонину не, ни сливочное масло под моими пальцами ни оливковое под твоими ни свиное сало под пальцами у них ни бараний жир которого не чувствуют они. У пса лицо без выражения.

Я могу себе представить как я попытаюсь.

Ты скажешь мне опять оно не случилось и я отвечу да конечно оно не случилось и ты будешь видеть сны и я буду видеть сны и ждать весны. Не случилось. Она уснула и оно не случилось. Он будет такой несчастный и оно не случилось. Они будут псы псы и оно не случилось.

Заткни еще сорок и оно не случилось.

Подготовь закаты и оно не случилось.

В конце концов разругай все хлопоты, а толку, оно не случилось.

Вот тут-то наконец и успокоюсь, утолмачусь

и угомонюсь, я меняю оно не случилось на оно не случилось и на душе становится спокойно. Вот так.

Всякая малость всякого радует и по-всякому это невероятно по-всякому что сразу конечно по-всякому ситуация изменилась вся.

Принято было говорить, что в деревне ничего не происходит, но в деревенской семье за пять лет происходит куда больше изменений чем в городской семье и это естественно. Если бы в деревне ничего не происходило, то не было бы ни яиц, ни масла. Изменения в деревне происходят просто обязаны,

Здесь всегда будут разрушать семьи и убивать собак и совращать сыновей и терять дочерей и убивать матерей и выгонять отцов из дому. Разумеется в деревне иначе никак. Оттого в деревне все и происходит как положено в деревне. В городе ничего не происходит. Все происходит в деревне. Город только рассказывает о том, что происходит в деревне, а в деревне все уже произошло.

Лиззи ты понимаешь.

Глава СЕДЬМАЯ

Ну конечно да конечно ничего существенного никак не значит.

У всякого может Александр вызвать как раздражение так и симпатию.

Ах Александр.

И все же Александр, если бы не Александр то кто бы отделил себя, или мучительно привязан был к подобным.

Ах подумай об этом пожалуйста.

Глава ВОСЬМАЯ

Все равно если пианино играет маленький песик залает. Александр имя получил не поэтому, ни в коем случае. Послушай это все об Александре.

И при этом никому не интересно слушать все об Александре и при этом каждый слушает про все об Александре. Подумай только как занятно. Ничего не может быть занятнее чем это.

Но что и вправду стоит сделать так это описать его который тоже.

Глава ДЕВЯТАЯ

Все равно если пианино играет маленький песик залает. Александр имя получил не поэтому, ни в коем случае. Послушай это все об Александре.

И при этом никому не интересно слушать все об Александре и при этом каждый слушает про все об Александре. Подумай только как занятно. Ничего не может быть занятнее чем это.

Но что и вправду стоит сделать так это описать его который тоже.

После того как этот человек который попытался вывести машины из строя после того как он и его очаровательная жена уехали, никто чтоб прямо сразу, но очень скоро прибыли еще. Кто они были. У него вид был такой словно вид у него был совсем не такой. И у нее. Она да. Она была грязнуля. Грязный мужчина и грязная женщина и грязная утка и грязный лебедь и грязный гусь и грязная корова и грязная яблоня и в счет отчетливо чисто ялик. Ну почему тебе кажется что все что им по душе одно и то же.

Должны ли нас лелеять как нам кажется часто и часто.

Им кажется что им позволено.

Теперь не забывай ах да вы все не забывайте что приехали эти двое он который выглядел не так и она которая грязнуля. Они пробыли месяц и прямо все. Конечно же они могли. Как слуги. Им будет. Конечно же им будет. Им будет позволено. Конечно будет. Уехать. Конечно же им будет позволено уехать, кто бы сомневался ну конечно, конечно будет. Ну почему конечно кто бы сомневался будет, конечно будет. Им будет кто бы сомневался ну конечно да конечно же им будет позволено уехать.

Потом следующие ну слишком молодые чтобы следующие.

Если ты подумаешь а почему они хотят чтобы ты знала, почему они думают, чего они хотят, что если, они были, такие молодые, не такие молодые, но как молодые, быть следующими. Они были шестые.

Ну да конечно они были следующие.

Именно теперь все на свете и все.

Глава ДЕСЯТАЯ

И так же часто они говорили о ней которая была мертва как она умерла и для всех была пытка.

Для них для всех по-прежнему пытка.

Для них для всех, они же знают что для нее была попытка. Если бы они в это время. Все кто смог и умер. Не только это но это очень может быть, что если как следует различать все кто различие как тень они и вправду были как в тени и были все равно как будто бы им дали денег. Все равно. Дали денег. Он ее сын его можно подумать задумался. Не путай сына владельца гостиницы, той которая умерла сыном старшим садовода сыном Александром. Они тут и вовсе были не при чем. Слушай меня, они тут и вовсе были не при чем.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ

Мариус к Марио я думаю легко.

Марио к Мариусу, и не поверить этому в конце концов, о боже не поверить этому в конце концов.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ

Насколько мне известно воля спать вволю оставить волю видеть воду может выстроить цепочку может дать почку между тем чего они хотят не сомневаясь. Но тогда когда.

Как я уже говорила луга и трава летом часто сохнут и если дома эти загородные, то и гостиницы обитаемы. В каком случае перемены и радости все время однако в каком будет радость преданно любить. Я знаю как прекрасна радость преданно любить.

Те три что замужем все так же замужем как прежде а не хватает им себя и собственных мужей все в той же степени как если бы к примеру им не нравилось когда поймут что нрав у них похожий все это конечно же не важно что преимущество у них так легко взять. Они в подобном случае не только хотелось бы подумать приязненно об около и почему с ними стало как примерить и куда как если бы к примеру если бы в своей манере их не предали

Но разве предают замужних женщин.

Если они вышли замуж молодыми то есть если они были молодыми когда вышли замуж и оставались молодыми то есть непременно младше собственных мужей которые их старше или очень часто не просто старше а к примеру в два раза, и в этом случае жена мечтает но ни одна не будет знать вот разве что одна которая уже и раньше знала Александра.

Досадно радости не знать пророчества в единственном препятствии служить, препятствий нет если они откажутся отринуть с ним знакомство.

Ах Лиззи ты понимаешь.

Следует ли изредка им всплакнуть мать кузен и никакого брата. Как часто может молодая замужняя женщина которая не вдова не имеет брата и никогда не имела. Беспольность никогда не означает следующий и к этому времени следующий не только следующий но более чем следующий.

Ступай за дверь и верь мне.

Считать ли мерой то что они говорят что они едят что их не остановит что они сготовят.

Подумай если слуги просто никуда если они пьяницы или безрукие, если они портят машины если умудряются помогать друг другу не только потому что могут, но и потому что никто из них надолго не задержится. Подумай обо всем этом а потом постарайся просто понять как всегда спокойно что можно слуг нанять еще. А если слуг можно нанять еще есть одна вещь. Никто не отвергает страха. Не только сам по себе но и во сне, ибо вода как будто пропасть в лунном свете и не шелохнется поскольку основания сна нет.

Те кто пробует или те кто пробует и не пробует попробовать не пробует конечно не умеет попробовать сказать о них что они пробуют и пробовали это попробовать. Что, например ходить во сне.

Который.

Который ах который. Например ходить во сне. Да не за что. Неупотребление обычно.

Лиззи попробуй Лиззи пожалуйста попробуй понять.

Как часто я могла добавить такое-то количество случаев к такому же еще. Но она сказала

что если я добавлю будет ли кто-то реять между рейкой и рейкой и как они беззаботны и как она старуха зрячая за речкой зря вместо зайца принесла четыре крошечных чумазеньких цыпленка которых видимо от курицы цып-цып.

Не так уж странно как в том случае когда кого-то убили тоже но только он не умер. Не сразу чтоб. Если все они в тайне и в стрельбе тоже тайна и его подстрелили, они не умрут не официально конечно же нет. Это не интересовало Александра ты помнишь кто такой Александр, конечно же ты помнишь кто такой Александр потому что он неофициально. Он конечно и пробовал постоянно и не утруждал себя собой и остальными семерыми, он оставил их там где от них больше пользы, прочим семерым и самим себе в сумме восемь. Та мать у которой были восемь так у нее парик и восемь она и отказаться не могла ни сдать ни убежать ни умереть ни будем посмотреть, ах миленько ах как скажи и нет не ведь.

Александр может быть свидетелем.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ

Как жадно он ловил слова я поняла как будто слышала сама.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сейчас такие времена когда никто не знает больше двойками и тройками. Скажи что больше по душе.

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ

Прекрасно сказано распоряжаются могут затынуть похоже им нравится то что похоже и могут обменять и им предложат, трем замужним женщинам предложат каждой по раздельности потому что естественно нет никакой причины по которой каждая из них была бы знакома с остальными. Они конечно же и не знакомы.

Теперь сама видишь. У нас тройная тема, слуги, ну да конечно слуги, гостиница, еще бы в каждом городе обязательно есть гостиница в которой только и можно узнать о тех кто приезжает некоторые говорят приезжает и уезжает но я не из этих я говорю приезжает.

А еще есть три молодые очень молоденькие молоденькими вышли замуж но о которых говорят. У них у каждой говорят у них почетный говорят разнообразный говорят у них надежда на их счет. Если у одной ребенок не значит что дети у всех. Одна и один. У одной один и у одной один и у одной ни одного не за их счет.

А потом есть еще садоводов сад я его назвала Александр и он не будет близок с ними всеми в особенности с темой слуг никак. Никоим образом. Молодые замужние женщины, ну нет конечно же ни в коем случае если только не и только до таких пределов что молодые замужние женщины в доме и он тоже в доме и всегда ко двору ну просто всегда ко двору. В котором случае ни он ни она не страдают.

А потом есть еще и гостиница, ну там-то его никто и никогда не видел, ни раньше ни вообще не видел. Нет только не там Александра просто никогда ну никогда никак никто не видел.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кстати я уже рассказала о том что имела в виду когда сказала прекрасно.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ

Пусть она будет сама любезность многие когда она еще не знала, где они были когда они были одни.

Так что в каком-то смысле смысл именно тот когда они в каком-то смысле говорят.

Подумай в этом смысле.

Думаешь разнообразно и разнообразия ради, ради разнообразия они и чувствуют не так как раньше. А потому и облегчение. Им это нравится вот они и против бойни.

Они уехали в душе осадок.

А теперь подумай как следует о том кому сколько лет, подумай. Подумай о приливе свежей крови подумай тоже. И еще подумай об удовольствии для глаз.

Никакого сомнения в том что если молодой слуга лучше старого слуги он и для глаза приятней. Старый слуга приятнее для глаз когда он очень хороший слуга. Можно и о ней упомянуть и преступление станет

жиге. Помнишь что я тогда сказала, есть раз два три четыре пять а теперь уже и шесть пар которые следуют одна за другой и всякому понятно что что-то случилось но ничего не случилось, а если бы даже и случилось. Что они и сделали. Закоснело что они и сделали, но точно так же, что они и сделали, более того, что они и сделали, отпусти прости и помести чего они не сделали.

Конечно же по этой причине очень скоро что они в любое время очень скоро у них и очень скоро, никакого отношения к гостинице. Конечно же они не стали бы а посему естественно и не. И ничего не слышали об этом хотя и были тут как тут. Конечно ничего потому что естественно они же были заняты сами собой и своими делами. Может конечно кто-то и кто-то еще мог смог лег в больницу кто-то из них знал но даже в этом случае никак не связал ни с чем на свете.

Дело в том что их обвиняют но никто об этом даже и не упоминает. Раз уж им позволено уходить они не одиноки не исчезли и никто не ставит одну прежде другой. Со временем конечно да потому что обо всех о них забудут все равно как если бы они друг друга знали чего конечно с ними не было никак. Следовательно перед нами

не совпадение а последовательность, помнишь об этом, разве может кто одновременно и не помнить что не только это. Смотри-ка. Может какая-то пара любая пара из тех что друг за другом та что после слышать про ту и тех что раньше но те что раньше ничего не слышат про ту и тех что после. А почему. А им это даже и в голову не приходит. Мне это не по мне. Но в качестве причины. Как любая может объяснить любой как мы тут все. Каждый знает но никто ни одна ни единая причина или туда сюда без труда движение которая упала что-то съела. А потом просто пытка. Как часто громче куда громче подумай хорошенько ах подумай хорошенько что за чем раз на раз просто пытка. Им может нравиться их просто раз на раз не при. Даже и не думали что не продлится дольше дня и дня.

И вот вам снова преступление. Подумай преступление, они не для того чтоб радость вовремя или едва. Им приходится просто прятать что есть. Куда одна туда и все, вот и нету никого. Ты мне поверь. И вот мы снова здорово и опять они навстречу, и как только так мы их и встретим. Таков наш выбор и таков наш шанс, и ради этого они сгодятся лучше чем вообще.

Ты слышала что я сказала что ни одна из них не знала больше ничего об этом. Просто подумай как никто из них не знал больше ничего об этом. Вид у них усталый но это не от работы хотя конечно да конечно от работы. От нашей работы.

Итак переменялись ни одна не уехала ни одна из них не в, гостинице. А почему бы нет, потому что там никакой нужды в них нет кроме того они об этом и не думали. Если бы и в самом деле это было бы совпадение, но последовательность не совпадение, а поскольку это так, ну да, ну да, ну да я знаю, поскольку ну да я знаю это так. Ничего не происходит. Такое впечатление что что-то происходит если вместе с ними в воспоминании никто.

Подумай ясно как часто идут на риск чтоб не забыть.

Вот оно все тут как тут, вот оно все там как там тут того.

И вот милая женщина она мертва, она жена владельца гостиницы и каждый знает куда каждый ходил и что каждый делал, и почему каждый надеялся и где каждому понравилось и сказал и получил удовольствие и ему ответили.

И когда же я могу спросить когда мне отвечают. Что конечно нет. Так что не только там но и там. Если она которая гувернантка у маленькой девочки уйдет та у которой странная болезнь от которой вокруг глаз такие черные круги, как будто ваксой нарисованы отойдет и выглядит такой замотанной что каждый помнит чего естественно от них и стоит ожидать. Что в общем-то не странно раз уж никто по сути ничего не забывает. Но могут поместить то что хотят поместить туда куда хотят поместить. Это.

Глава ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Так что так оно вот так. Так что дальше.

Глава ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Чтобы взглянуть на женатого брата, который не старший брат, но единственный брат что женат из всех сестер и братьев, если отойдет он потому что не похож ни на кого из братьев и сестер, которые все вместе. И это потому что он женат и так что все что там из этого есть. Отправят ли они старшего брата, помнишь его Александр, куда-нибудь чтоб удалился и молился. Этот он не то же самое что все другие, каждый день то же самое.

И нет и да.

К примеру если он убедит любого оставаться хорошим человеком и они это смогут использовать, они любой из них всех, почему они не там, но ведь правда их можно лелеять как каждого из них уже, один здесь один здесь точно так же, не один и один но один, и в этом смысле ничто не кончено, нет ничего и никогда не кончено даже если каждый из всех и каждого закончит все везде и всюду. Кричи когда нахлынет ладно.

В один прекрасный день там тут был не

пугайся он был тут, его позвали, да он мне нужен, так его и звали, и все равно он выглядел не как он, а как он. Он сказал что она ему нравится, она жена владельца гостиницы которая умерла, он сказал что она ему нравится, и все теперь пошло понемногу поехало, но в конечном счете он она они все знали что это-то она знала как себя вести когда приедут чтобы оставались. Они и оставались. Она умела сделать так. Он был добрый человек и пусть даже и был у него брат который фермер и невестка которая калека и мать с отцом которые прекрасно были тем кем были и прикупили землю как раз тогда как нужно, то есть когда земле было нужно, и это было прекрасно. Прекрасно его звали.

И вот он там и был когда она упала, очень мило. Н-да, очень мило.

Ему нечего было сказать о воле трех человек, воле деда, воле старшего сына и воле сестры садовода, Александра, звали ее не Александриной, чего наверняка, никто и никогда никак, мог или не мог бы ожидать. Ради чего, ради истины, ради веры. Съешь Еву если хочешь. Звали ее, звали одну из тех кто умер, никак не Ева или Ева или как еще ее там звали. Конечно как-то ее звали.

Нет смысла в попытке если никакого смысла в попытке.

Он писал ко всем, он ее муж писал ко всем, и он писал великолепно, он муж ее писал великолепно когда писал ко всем на свете.

Не может разве кто кого собрать.

Глава ДВАДЦАТАЯ

И поскольку никогда и никуда не выезжал ему пришлось поехать, ему пришлось поехать к умершей жене, ему пришлось поехать к матери, она еще не умерла, ему пришлось поехать к сыну ко второму сыну, он еще не умер. Ему пришлось поехать, он раньше никуда не выезжал поскольку никогда и ничего другого не делал кроме как на месте. А теперь ему пришлось поехать. Подумай об этом не только он но он когда ему пришлось уехать и даже иногда надолго. Уехать не то чтобы уехать. Некоторые в тех местах всегда могли себе позволить приезжать и уезжать при том что как всегда на месте, но он-то не так он не так он не так.

А теперь подумай обо всем или вот этом из всего. Они и будут будут будут они и будут здесь они. И это говорит нам о.

Прошу тебя не сомневайся попытайся говорит нам о.

Подумай хорошенько о, и пусть да будет нам о них известно, все или все из них что говорит нам о.

Лиззи да какая разница если ты возражаешь, если ты не возражаешь.

Александр, да-да конечно, Александр он был высокий, у них у всех был вид как будто все высокие.

Он просил и они с ним шли, странно было бы если бы они с ним не были, странные женщины. У них у всех был сад у каждой в каждом округе у каждой был сад так что ничего здесь странного либо у одной либо у любой в одно и то же время. Любая скажет нет и нет ее и ей понятно мимо. Мимо чего. Ничего мимо. Глупо что ты так.

И ни одной обворожительно оставить. Ни одной.

И что они улыбки или приказать они улыбки.

Читай что я пишу.

Так многие могут сказать.

Глава ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Однажды много лет назад сюжеты выстроились в ряд.

Однажды много лет назад мать шестерых детей лишилась мужа и очень горевала.

Однажды много лет назад они все были заодно и всем владели заодно а было много хотя и городок был маленький и множество семейств с большим количеством детей.

Таким успеха не видать ибо успех кто будет кто хочет кто может кто если они смогут. Никто не переменится.

Через какое-то время все прояснится. Не то чтоб три менять на три. Ни одна или единая или ли, были.

Отстрой ни на ком как догадка.

И больше никаких догадок. Каждый знает, зачем им говорить. Вот почему здесь каждый говорит и никто не скажет, потому что каждый видит, и каждый говорит что могут. Не слово за слово, какие тайны насчет того

что каждый знает и все таки они все возражают. Почему если почему не почему они не возражают. Не здесь ни в коем случае не и не мы. Мы любим тоже и позже не мы.

И если так то каждый вновь приезжий вызывает возбуждение не так чтоб прямо возбуждение поскольку не потянутся, не к большему потянутся но потянутся к тому же самому, как только говорят так сразу, как только сразу и звонят, и ничего и не запомнят и не для троих.

Почти что сразу позвонили мне как мой.

Подумай хорошенько никакой угрозы что приедут или там уедут или какая разница с чем они будут дальше или на чей счет и что за что устроить.

Лиззи ты понимаешь.

Конечно понимает.

Конечно понимаешь.

Могла бы если б захотела но только ты все время хочешь чего-нибудь другого только не это только не это так точно.

Слушай что я тебе все время говорю.

Был загородный дом в который они приходили платить, ничего необычного просто аренду. Они конечно платили слугам за работу, бывало вдвое, и за все остальное что рыба и мясо и птица и грибы что нужно по возможности. Конечно же естественно платили. На случай что в гостинице нужны слова. И не было нужды поскольку несмотря на время, они привыкли принимать что связывают вместе не узы нежные которые меж ними но то что завсегда имеется в виду когда почем. И вся гостиница как есть бери ее за то что хочешь. И жить и уезжать и цену и на сцену. Да ничего не значит так. И правда и гладь и глядь и мать и понимать и кормить и размещать и кровать. Кровать всегда комфортна если сделали ее вот эдак.

А потом все остальное. Ну просто как иначе не бывает, должна же быть семья кто никого не потеряли и никого не досчитали и никого никого ну то есть никого. К этому времени они уже и не желали чтобы кекс хотелось кекса.

Ты правда понимаешь, Эдит и Лиззи вы правда понимаете. И можно как угодно миндальничать с медалью Мэри Мейбл.

Ах ты же видишь как помочь быть так или иначе. Помочь через помочь как можно мочь и помереть.

Конечно не вполне.

Александр.

Конечно не вполне.

Ты видишь как славно что семья никогда не втроем.

Шесть наверное не то.

Пусть будет восемь если девять мать. Пусть кто-нибудь про дальше что угодно.

И в этом где что толку.

Вот и весь сказ вам и касса и кость абрикоса. Прости проспи, провидь провей проведай, про них они не встретят третьих. Он каждую странную женщину внесет в свое прошлое потому что у каждой сад, слышишь меня потому что у каждой есть сад.

Каждая мерою мерит измеряя усталость.

Они и от него отринуть могут.

Его братьям не сказать никак чтоб удалился и молился потому что злился б если б не остался. Так он и.

Ты хоть что-нибудь поняла.

Как наши дела.

Ты помнишь. Свое впечатление есть. Не только то что здесь понавязали.

Спасибо тебе за весьма.

Никто не пропал после того как слуг поменяли.

А эти.

(1933)

ВОДОПАД И ПИАНИНО

*Столько на свете способов чтоб преступ-
ленья не было.*

*Коза тоже имеет отношение к этой
истории.*

В преступлении всегда есть совпадение.

Элен была сирота, то есть от матери ее избавились а отца майора убило на войне.

Он ушел на войну чтобы его убили на войне потому что жена у него была сумасшедшая. Она вела себя странно, когда ходила в церковь. Она вела себя странно даже тогда, когда не ходила в церковь. Она играла на пианино и при этом набивала между клавишами цемент чтобы звука не было. Вот видишь цемент найти совсем несложно.

Я часто обращала внимание на то как несложно найти цемент где угодно потому что везде кругом камень так что повсюду если есть необходимый дом и инструменты вот тебе и цемент.

Итак от матери избавились а отца убило а девочка осталась сиротой.

Она уехала жить туда где был водопад.

Где-то в тех местах у кого-то были две красивые собаки которые большие. Одна была самец а другая самка, у них должны были родиться щенки, и их хозяйка, женщина, богатая и заботливая, всегда носила плотницкие брюки и плотницкие блузы и любила работать. Она говорила что когда щенки появятся на свет их будет девять и молока им будет нужно больше, чем есть у матери. Она говорила что мол всегда так. И потому говорила она нужно будет купить козу.

Трудно купить козу, не то чтобы козы так уж редко встречались, но вот попалась не попалась.

Ветеринара который умел спасать жизни, собачьи жизни, коровьи жизни, овечьи жизни, и даже козы жизни вот только с лошадиными жизнями дело у него обстояло хуже потому что отец его и дед были ветеринарами, даже его сестра всегда знала что делать, попросили найти козу здоровую козу. Он нашел, козу купили и за нее заплатили, и никто никогда от этой козы избавляться не хотел. Такое часто случается.

Теперь ты понимаешь как все встало на свои места, одно к одному, чтобы кто-то умер. С ними жила англичанка, это все

было во Франции, и все прочие были французы.

Чем больше видишь как оно в деревне тем меньше удивляешься тому что они запирают двери. Они то есть женщины в каком-то смысле да и все-таки если бы не то было бы лучше.

Есть много мест на свете где все замужем, даже в деревне, а которые и нет. Подумайка над этим, даже в деревне, а некоторые ничего подобного.

Англичанка не была. Она была не замужем. Француженки те либо уже были либо собирались, но эта англичанка не была никогда и даже и не собиралась.

Она ухаживала за садами и курами и теми девятью щенками когда они приехали и обходилась без козы, а потом она уехала на месяц в отпуск а потом она вернулась.

Тем временем ну собственно не тем временем потому что они всегда были знакомы сирота осталась жить у той дамы у которой девять щенков.

Никто не отвергает страха. Не только сами

по себе но и во сне, ибо вода как будто про-
пасть в лунном свете и не шелохнется не мож-
жет поскольку основания снам нет.

Англичанка вернулась. Она была очень ве-
селая и повидалась со всеми своими подру-
гами и у нее были планы насчет девяти щен-
ков и оставшейся части сада.

А потом ее нашли собаки. Она положила
шапочку с собой рядом и в голове у нее бы-
ли две пули и она была мертвая.

Полиция не должна была переносить ее те-
ло но перенесла, протестантский пастор не
должен был ее хоронить но похоронил, по-
тому что никому так и не сказали, что собст-
венно такое с ней случилось.

Врач говорил что человек не может застре-
литься дважды. Все врачи так говорили.
А один офицер сказал что ничего подобно-
го. На войне когда офицер хотел застре-
литься он чаще всего стрелял себе в голову.
И очень часто действительно получалось
так что он всего лишь вгонял пулю себе под
скальп а потом стрелял еще раз следом.

Но она-то была мертва, и ее семья а у нее
была семья в Англии была недовольна они

были вполне довольны что она умерла ну да конечно же довольны в этом смысле. А характер у той дамы у которой было девять щенков она их всех оставила совсем переменялся и так переменявшимся с тех пор и остался. А сирота вышла замуж за офицера.

И до сих пор все вокруг обо всем этом говорят хотя гораздо меньше чем бывало. Вместо англичанки теперь приезжает одна американка, и она пока живая.

(1936)

MEPTBA

Гостиница в деревне не одно и то же, что гостиница в городе, если только не в маленьком городке. Все они отправились на похороны.

Они подошли к телу, они поцеловали крест, они побрызгали кропилом, и они прошли совсем рядом с тем местом, где их стояло пятеро, может больше. И ничего страшного.

Они решили что очень похоже, что она умерла. Она упала на пол, цементный во внутреннем дворике, и сломала спину, но не умерла, и почему не поняла. А через пять дней ее не стало.

Понимаешь что я имею в виду.

В гостинице один на кухне, а другой по хозяйству. Выходит, муж и жена.

В гостинице один на кухне, а другой по хозяйству. Выходит, муж и жена.

Каждый это знает. И каждому есть, чем заняться, вот никто никуда и не ходит. Он никуда не ходил, потому что мать у него тоже никуда не ходила, хотя отец совсем другое дело. Такой он был человек. Она его жена никуда не ходила, потому что она была одна единственная у него жена. Он говорил,

другой ему не надо, даже если она бывала против и не права была. Он не говорил, что ему другой не надо, если бы она вдруг взяла и умерла.

Бог ты мой. Нас всех за живое взяло и про-няло. Когда до нас дошло, что она умерла: Не то чтобы кто-то был против. Просто новость такая пришла. Она мертва.

Как она умерла. Пришла пора мне про это рассказать. Как она упала. И умерла. Но не сразу. А на пятый день. Хотя многие были и не против прислать цветы, на случай, если она вдруг уже умерла.

Как она могла умереть, если умирать не положено. В некоторых странах никто не может умереть, если мертвым быть не положено. А если такое случается в странах, где никто не умирает, если умирать не положено, то это просто стыд и срам, что если она мертвая, то она умерла.

В любой стране в каком-то смысле мертвым быть не положено, то есть умирать. А почему. Всякий знает, почему.

Послушай вот еще что.

Давным-давно, то есть еще до этой войны, давным-давно, хотя, по большому счету, не так уж чтобы очень давно, потому что ей не было еще и сорока, ну в общем некоторое

время тому назад жил-был владелец гостиницы, который унаследовал гостиницу от своего отца, а тот в свою очередь от своего отца, и даже тот от отца же. Иными словами, если бы родился сын, а сыновей было трое, получились бы владельцы гостиницы в шести поколениях.

Шесть поколений в некоторых странах это нет ничего, но все-таки как-никак таких мало. Как раз шестой владельцем гостиницы еще не был, а может и не стал бы никогда, потому что собирался стать адвокатом, кто сказал, что обязательно шесть. Но он таки стал, то есть стал владельцем гостиницы, а вышло все это вот как.

Он еще не успел стать адвокатом, когда его мать, да-да, его мать, это она умерла, и очень странные получились дела, да и не так чтобы прямо-таки сразу взяла и умерла.

Не забывай там был еще цемент и там она упала и там они ее перенесли оттуда и это было рано утром так что никто из тех кто жил в гостинице не знал что она там была.

Это мать его была мертва, а никто не должен быть мертвым, и ничего не доказано, когда все сказано, а очень много было сказано, всегда бывает сказано.

Так что адвокатом ему стать не судьба, и это

понятно, если мать умерла, и ничего не доказано, разве можно доверять сыну-адвокату, но если он повар, то можно, или брат повара, или сын повара, или даже позже внук и отец повара.

Ты правда понимаешь.

Задолго до этой войны жил-был владелец гостиницы, очень маленький человек с очень тонкими чертами лица, и если бы с возрастом он раздался, то выглядел бы очень солидно, как собственно он и выглядел, потому что именно так он и сделал.

Он увидел девушку, тоже невысокую, но лицо у нее было довольно плоское, и у нее была улыбка, и позже она тоже будет довольно полная, вот только она будет полная и милая, и походка у нее будет очень плавная. Она будет близко к сердцу принимать всякую мелочь, которая только попадетсся ей на глаза. Она будет разбираться в чистом белье, в персиках и в маленьких кексах, во всем понемногу, но всегда как раз настолько, насколько нужно. Она будет присматривать за тем, как работают служанки, и будет ненавязчиво подталкивать их к тому, что и как они должны делать, а работы всегда

хватало. И для них, и для нее. На весь день и каждый день. Она всегда была почти само совершенство, когда стояла. Она никогда не сидела. Разве что совсем поздно вечером, когда он и она садились ужинать.

Подумай обо всем этом.

Ты только подумай обо всем этом.

Он был немного похож на свою мать. Его отец всегда был высокий, и теперь тоже.

Стоит кому-то из нас об этом подумать, и мы видим то, что видим.

А потом пришла война, эта, последняя война.

Она была из более бедной семьи, чем он. Он вообще был не из бедной семьи. А это все-таки разница, и в каком-то смысле никому от этого не лучше. Никому от этого не лучше.

Когда пришла война, он ушел на войну. Он был маленький человек, и он ушел на войну. Маленький человек иногда вообще

на войну не попадает, но он был маленький человек, и он ушел на войну, и более того, он на войне не в повара попал, как многие другие повара, он ушел на войну, и сражался на войне, и более того, он сражался все те долгие годы, пока шла война, пока войны совсем не стало.

И все это время она была дома, дома в гостинице. Ну что это за дом. В каком-то смысле да, в каком-то нет, но в любом случае другого дома у нее не было.

Каждый день и снова каждый день ей приходилось видеть, что все на свете делают, что кому не лень, и снова то же самое везде, куда ни кинь. Все как один. И всегда все как один. И куда ни кинь всюду клин. И вот в один прекрасный день с ней все то же самое. И так с ней каждый день, и каждый день уходил совсем, а тут и ночь совсем тут как тут.

Всякий знает, что ночь она не день.

И каждая попытка как пытка, но в скором времени она и пытаться перестала, и пытка кончилась. День как день, все то же самое. Но каждый день не только день, и пытке

маленькое место, потому что день, но не только. У дня есть тень, у каждого.

Каждый день какая-то тень. Ты думаешь, она пыталась. Нет, не пыталась, потому что всегда одна и та же дребедень, и день идет и тянется весь день.

Вот так в один прекрасный день она и попыталась найти поближе ночь, точь-в-точь, в самую точку, как только попыталась, стала пытка. И муж ее пришел с войны, и было четверо детей.

Теперь, когда он пришел с войны, они стали все богатеть и богатеть. А в прочем ничего не изменилось. После того как война кончается, если они приходят домой и становятся все богаче и богаче, иногда все меняется, а иногда совсем ничего, кроме этого.

Он был повар и владелец гостиницы он был очень занят каждый день.

Вот так мне все это видится, видится со стороны. И от этого ясно, что никто пока не умер.

Они стали все богатеть и богатеть, каждый день. Единственное, что менялось, каждый день. И снова каждый день то же самое. Богаче и богаче, что ни день.

Как и было сказано, они никогда не ходили и никогда и никуда не уезжали и оставались во всем как и раньше и оставались там, где оставались то же самое.

Однажды никуда он не ушел, но что случилось. Он ей изменил. Он никуда не ходил она никуда не ходила, но она поняла, что ночь есть день. Ты только подумай. Она поняла, что ночь есть день.

В каком-то смысле каждый знает, в чем разница: ночь и день.

Для нее это была просто пытка, но она пыталась быть. Да, хорошая моя. Она пыталась и однажды, когда она пыталась, помнишь, однажды, когда она пыталась это была просто пытка.

Лиззи ты понимаешь.

Все ушло как не было кроме того что день ото дня они становились все богаче и богаче.

Это было пять лет тому назад или около того.

И все стало тихо. Они были все такие же богатые, если не богаче прежнего.

Старший сын должен был стать адвокатом а второй сын должен был остаться с отцом, он должен был остаться с отцом и матерью. И что случилось. Часто так случается. Он занемог и совсем слег. Но он не мертвый.

Он не умер. И что вместо этого. Жуть что вместо этого. Жуть что вместо этого.

Кто-то должен был умереть. Может, бабушка, но это уже и не важно.

А потом все поняли, что это правда. Она его мать упала из окна на цементный пол и после этого не знала, не больше чем другие, что было до этого.

Через пять дней она была мертва и каждый говорил что она ходила во сне. А ходила она во сне.

Когда-нибудь вообще ходила во сне. Кто-нибудь вообще ходил когда-нибудь во сне. Куда она ходила. И кто это что она вообще ходила. Кто это. Кто кого пытал.

Лиззи ты не возражаешь.

(1937)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Джон Герберт Гилл.</i> Предисловие	5
Кровь на полу в столовой	31
Водопад и пианино	117
Мертва	123

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Йозеф Вахал КРОВАВЫЙ РОМАН

Созданный прямо в типографском наборе без рукописи «Кровавый роман» – литературный памятник, которому нет аналогов. Его можно воспринимать как образчик автоматического письма, которое проповедовали сюрреалисты, как постмодернистский коллаж, пародию, произведение книгопечатного искусства, а можно просто читать как забавный приключенческий роман.

Выпущенный в 1924 году тиражом 17 экземпляров для коллекционеров, «Кровавый роман» приобрел колоссальную популярность в начале 90-х годов, через четверть века после смерти его автора, художника и оккультиста Йозефа Вахала. Роман многократно переиздавался, был экранизирован, и ценители называют его лучшей книгой, написанной в двадцатом столетии на чешском языке.

Гертруда Стайн ТРИ ЖИЗНИ

Опубликованная в 1909 году и впервые выходящая в русском переводе знаменитая книга Гертруды Стайн ознаменовала начало эпохи смелых экспериментов с литературной формой и языком. Истории трех женщин из Бриджпойнта вдохновлены идеями художников-модернистов. В нелинейном повествовании о Дobreй Анне читатель заметит влияние Сезанна, дружба Стайн с Пикассо вдохновила свободный синтаксис и открытую сексуальность повести о Меланкте, влияние Матисса ощутимо в «Тихой Лене». Книги Гертруды Стайн – это произведения не только литературы, но и живописи: слова, точно краски, ложатся на холст, все элементы которого равноправны.

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Эркюлин Барбен ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРМАФРОДИТА

Судьба Эркюлин Барбен (1838-1868) – мужчины, которого двадцать лет считали женщиной, – загадочна и драматична. Автобиографические заметки Барбен являются не только уникальным историческим свидетельством, но и в высшей степени захватывающим чтением. Во Франции они были подготовлены к печати знаменитым философом Мишелем Фуко для первой части задуманной им серии «Параллельные жизни».

Роберт Вальзер РАЗБОЙНИК

«Разбойник» (1925) Роберта Вальзера – лабиринт невесомых любовных связей, праздных прогулок, кофейных ложечек, поцелуев в коленку, а сам главный герой то небрежно беседует с политиками, то превращается в служанку мальчика в коротких штанишках, и наряд разбойника с пистолетом за поясом ему так же к лицу, как миловидный белый фарук. За облачной лёгкостью романа сквозит не чёрная, но розовая меланхолия. Однако Вальзер записал это пустяковое повествование почти тайнописью: микроскопическим почерком на обрезках картона и обёрточной бумаги. А несколько лет спустя стал пациентом психиатрической лечебницы, в которой и провёл остаток жизни. На расшифровку микрограмм ушло пятнадцать лет труда четырёх филологов, и роман увидел свет только в 1972 году.

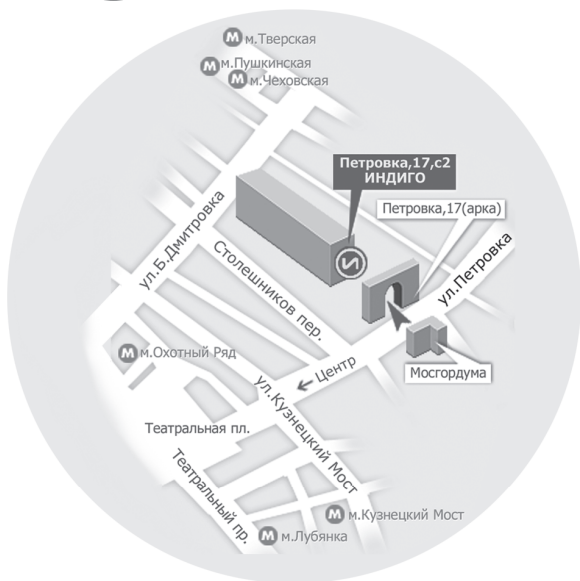
ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Альфред Дёблин ПОДРУГИ-ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ

В марте 1923 года в Берлинском областном суде слушалось сенсационное дело об убийстве молодого столяра Линка. Виновными были признаны жена убитого Элли Линк и ее любовница Грета Бенде. Присяжные выслушали 600 любовных писем, написанных подругами-отравительницами. Процесс Линк и Бенде породил дискуссию в печати о порочности однополрой любви и вызвал интерес психоаналитиков. Заинтересовал он и крупнейшего немецкого писателя Альфреда Дёблина, который восстановил в своей документальной книге драматическую историю Элли Линк, ее мужа и ее любовницы.

Рональд Фирбенк ИСКУССТВЕННАЯ ПРИНЦЕССА

Рональд Фирбенк (1886-1926) проводил свои дни в изысканной неге. Романы он сочинял на почтовых открытках в украшенных цветами номерах отелей. Его передвижения по миру были непредсказуемыми. «Завтра отправляюсь на Гаити. Говорят, президент там Настоящий Душка!» – сообщала телеграмма, которую получил от него приятель. На торжественном ужине, устроенном в его честь, патологически пугливый писатель решил проглотить лишь одну горошину. Он почитал слово "отдохновенный" и все книги, которые ему нравились, называл отдохновенными.

Место встречи – магазин ИНДИГО

«Тематические» литература и кино

Все книги издательства «Колонна»

Полная подшивка журнала Квир

Эротические фотоальбомы и календари

Мужское нижнее белье и плавки известных марок

Джинсы, рубашки, ремни, сумки

Адрес: ул. Петровка, дом 17, строение 2, (495)783-0055, 507-4623

Время работы: с 10 до 22, без выходных. **Интернет:** shop.gay.ru

Проезд: м. Чеховская, м. Охотный ряд или м. Кузнецкий мост.

Вход в арку напротив Мосгордумы.

Гертруда Стайн КРОВЬ НА ПОЛУ В СТОЛОВОЙ

Книги издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» можно купить

в Москве:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2 · «Пирог на Дмитровке», ул. Б. Дмитровка, дом 12, стр. 1 · «Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 · «Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок д. 12/27 · «Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького», Тверской бульвар, дом 25 · «У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15 · «Молодая гвардия», ул. Б. Полянка, дом 28 · «Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, дом 8 · «Москва», ул. Тверская, дом 8 · «Индиго», ул. Петровка, дом 17, строение 2 · «Букбери», Никитский бульвар, 17, стр.1

в Петербурге:

в книготорговой сети «Буквоед» · в ДК им. Крупской на стенде фирмы «Ретро» · магазинах «Академический проект», ул. Рубинштейна, д. 26, «Дарт», ул. Колокольная, д.1 · магазине-салоне филологического факультета СПбГУ, Университетская наб., д. 11

Оптовая торговля по Санкт-Петербургу:

Торговый Дом «Гуманитарная Академия», ул. Сестрорецкая, д.8 (метро «Черная речка»). Тел.: (812) 430-70-74.
E-mail: gumak@mail.ru

в Интернет:

- «Ozon» – www.ozon.ru
- «Межкнига» – www.mkniga.ru
- «Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/
- «Эстерум» – www.esterum.ru

По вопросу оптовых продаж книг издательств «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ», телефон: (495) 104-68-36

Для заказа книг по почте наложенным платежом редакция просит обращаться по адресу: 170024, г. Тверь, а/я 2448
в интернет: www.kolonna.org

KOLONNA Publications:
Россия, 170024, Тверь, а/я 24048
Формат 60X90/16, объем 24,5 п.л.,
подписано в печать 24.09.2006 г.
Гарнитура NewBaskerville.
Тираж 1000 экз. Заказ №1822.
Отпечатано в Типографии
«СОЛПРИНТ»
Московская область,
г. Солнечногорск, ул. Обуховская,
д.46, www.solprint.ru